

ВАЛЕНТИН
ПИКУЛЬ

БАРБАРОССА

Валентин Пикуль

**Барбаросса. Роман-
размышление. Том 1**

«ВЕЧЕ»

1990

Пикуль В. С.

Барбаросса. Роман-размышление. Том 1 / В. С. Пикуль —
«ВЕЧЕ», 1990

ISBN 978-5-4444-8862-1

«Барбаросса». Последний, так и не законченный роман В. Пикуля, которому предстояло стать первым томом грандиозной дилогии о Великой Отечественной войне «Площадь Павших борцов». Сталинградская эпопея под гениальным пером Пикуля предстает не просто подвигом, совершенным советскими воинами, но – «сплетением стратегии с политикой», событием, «влияние которого сказалось во всем мире».

ISBN 978-5-4444-8862-1

© Пикуль В. С., 1990

© ВЕЧЕ, 1990

Содержание

Начинать лучше с конца	6
Часть первая. Большая стратегия	13
1. Руки по швам	13
2. Внимание – танки!	18
3. И даже зубные щетки	24
4. Генералы	27
5. Напряжение	32
6. «Зиг хайль!»	37
7. Ролики и колеса	42
8. Карьеры	47
9. Возвышение	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Валентин Пикуль

Барбаросса. Роман-размышление. Том 1

© Пикуль В.С., наследники, 2011

© Пикуль А.И., составление, комментарии, 2011

© ООО «Издательство «Вече», 2011

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Светлой памяти отца, Саввы Михайловича Пикуля, который в рядах морской пехоты погиб в руинах Сталинграда, – с сыновней любовью посвящаю

Начинать лучше с конца

Последний самолет из Сталинграда... самый последний!

6-я армия Паулюса давно потеряла аэродромы в Питомнике и Гумраке; трехмоторный Ю-52 с трудом оторвался от земли – среди гиблых воронок, обгорелых грузовиков и штабных автобусов, забитых окоченевшими трупами. Чтобы скорее уйти от огня зениток, пилот слишком резко набрал высоту, при этом мешки с полевой почтой сами по себе откатились в хвост фюзеляжа... Перегруженную машину трясло от близких разрывов, осколки часто барабанили в корпус. Штурман прогорланил:

– Это развлекаются русские девки, которых Сталин соблазнил зенитками, вот они и лупят. Поверьте: лучше было десять раз пролететь над Тобруком или Мальтой, нежели один раз над русской Волгой...

Ю-52 еще недавно снабжал армию Роммеля в Африке и потому летел над заснеженной степью – желтый, как заморский попугай, замаскированный под цвет пустынь Киренаики. Штурман велел радисту передать в Полтаву, что «воздушный мост» 6-й армии Паулюса разрушен, пусть никто не вздумает повторить их опыт: они последние! Радист сообщил:

– Сальск уже не принимает, садимся в Новочеркасске. Не знаю почему, но это – личное распоряжение Геббельса.

– Геббельс? – удивился пилот. – Но с каких это пор министр пропаганды стал вмешиваться в дела военных?

– Сам дьявол в делах Берлина не разберется...

На аэродроме в Новочеркасске самолет ожидала команда полевой жандармерии и служба войсковой почты. Семь мешков с последними письмами последних солдат «крепости Сталинград» шмякнулись на снег. Теперь предстояла проверка пассажиров, улизнувших из Сталинграда. Раненых из котла давно не вывозили. Покидающие котел должны были иметь разрешение на вылет, заверенное лично Паулюсом или начальником его штаба Артуром Шмидтом. Но была еще спасительной для счастливых справка о тяжелой болезни за подписью генерала-профессора Отто Ренольди – главного врача окруженной армии. Среди пассажиров Ю-52 только один капитан улыбался, почти блаженно. Остальные – как выходцы с того света. Впрочем, хлопот жандармерии они не доставили: кинооператор из ведомства Геббельса с отснятой пленкой, немощный генерал с камнями в печени, инженер по наладке станков, знания которого в котле оказались лишними, зубной техник, инспектор метеослужбы, два священника и прочие. Дошла очередь и до капитана, о принадлежности которого к войскам связи можно было судить по желтым петлицам...

Блаженная улыбка еще не покинула его лица.

– Сейчас, сейчас, – пугливо говорил он, ковыряясь в обширном бумажнике. – Генерал Шмидт даже настаивал на моем вылете. Не могу найти! Куда я засунул эту справку?

– Причина вылета? – спросили жандармы.

– Специалист по штабным телетайпам.

– Это профессия, но это не причина.

– Мне обещано место в гарнизоне Кракова.

– Тоже не причина. Может, вы ранены?

– Нет... Впрочем, нуждаюсь в операции.

– Тогда где же справка генерала Ренольди?

– Ренольди меня осматривал, но я...

– Ясно, – сказал офицер полевой жандармерии, и на его груди качнулась большая бляха с № 3307. – Отойдите.

– В сторону... быстро! – заорали жандармы.

Только теперь капитан все понял, и улыбка блаженства сменила серая, как гипс, маска ужаса.

– Не надо... прошу вас, – бормотал он, становясь жалким. – Клянусь... у меня жена... трое детей! Вот они...

Он загораживался фотографией трех кудрявых детишек.

Его расстреляли под «брюхом» самолета, который медленно докручивал в морозном воздухе последние обороты пропеллеров. Большие жирные вши ползали на застывающем трупке.

Жандарм под № 3307 еще передернул затвор «шмайссера».

– Когда же это кончится? – сказал он...

Через пять дней все кончилось: Паулюс капитулировал.

* * *

Был объявлен трехдневный траур. Театры, рестораны и даже пивные закрыли. Берлинское радиовещание транслировало траурные марши Бетховена; жутко было от мощного вздрагивания оркестров – в «Гибели богов» Вагнера. Политический радиокорреспондент Ганс Фриче прослушивал последнюю сводку советского командования, которую Москва передавала на немецком языке. За этим занятием его и застал Геббельс.

– Ну, что они там? – спросил министр пропаганды.

– Торжествуют... Конечно, такого еще не бывало: один фельдмаршал и сразу двадцать четыре генерала, куда же больше? Сейчас их там загонят в подвалы Огэпэу, где они и подпишут все как миленькие. А потом – пиф-паф в затылок!

Беседа проходила в «Радиодоме» на Мазурен-аллее.

– Надо бы вытащить к микрофону сына Паулюса, – сказал Геббельс. – Он в чине майора, тоже был в Шестой армии, хотя котел его миновал. Я уже слышу скорбный, но мужественный голос сына, вещающего Германии о героической гибели отца на приволжской площади Павших борцов...

Геббельс шлепнул на стол папку, перечеркнутую по диагонали красной полосой, означавшей: **СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО**. Неожиданно завел речь о жене Магде и своем пасынке.

– Ночью она, бедняжка, опять жаловалась на перебои в сердце. Я понимаю ее страдания: Гервальд повидал только Крит, и теперь она боится, как бы его не загнали на Восточный фронт. Материнское сердце! Тут ничего не поделаешь... Ну, – спросил он, – а как дела с почтой из Сталинграда?

Над Германией погребально звонили церковные колокола. Фриче был весь в черном – как церемониймейстер на похоронах.

– Семь мешков писем с последним самолетом, – отвечал он. – Вот не ожидал... Когда летом я вел трансляцию из Харькова об успехах Шестой армии по окружению Тимошенко, разве я мог подумать, что вещаю в эфир о покойниках?

– Не раскисать, Фриче! Мы же работаем столько лет... Сейчас самое главное – поставить фильм о короле Фридрихе Великом. Это будет здорово! Пусть мундир короля обветшал и весь в заплатках, пусть режиссер крупным планом выделит его дырявые ботфорты. Но лица королевских гренадеров должны излучать железную веру в победу... Я опять вижу крупный план! Это будет потрясающий фильм, Фриче...

Паулюс и его генералы этого фильма уже не увидят. Застуженные русские поезда развозили 6-ю армию по лагерям для военнопленных. Их везли так, чтобы они не могли прочесть названия станций. Им оставили все ордена и отличия, но отобрали географические карты и наручные компасы, дабы не возникло соблазнов к побегам. Гитлер в эти дни много рассуждал о том, что напрасно поспешил, присвоив Паулюсу чин генерал-фельдмаршала: он вспомнил красивую благородную даму – секретаршу Геринга:

– Порядочная женщина! Рейхсмаршал распустил свои руки, обращаясь с ней, а она прошла в свой кабинет и застрелилась... Как все просто! Пистолет – это же легкая смерть. Какое малодушие испугаться выстрела... В эту войну больше никто не получит звания фельдмаршала!

Паулюса отвезли в Суздаль, а в Германии о нем сообщили, что он погиб, отстреливаясь до последнего патрона, – на той же площади Павших борцов.

3 февраля Геббельс дал установку для прессы:

«Газеты должны выйти без траурных рамок. На первой странице можно поместить несколько иллюстраций героического содержания. Надлежит описать эту битву в сдержанном, мужественном, национал-социалистском духе. Настал момент, когда немецкие журналисты и писатели должны создать миф, который даст силы грядущим поколениям германской нации. Полученные раны заживут, а героизм переживет века. Разъяснение: самостоятельные комментарии запрещаются...»

– Допустимы ли сейчас, – спросил Фриче, – аналогии между нынешним положением рейха и положением старой Пруссии после поражения от русских при Кунерсдорфе?

– Пожалуй... да! – согласился Геббельс. – При этом у микрофона следует напомнить слушателям (но с умом!), что героизм сталинского солдата мало чем отличается от храбрости русского солдата времен царицы Елизаветы. Это скорее упрямство скотов на великой мясной бойне, а совсем не продуманное явление патриотизма, как твердит нам по радио московская пропаганда...

Мешки с письмами вскрыли в канцелярии Геббельса.

– Начнем творить миф! – сказал он. – Создадим особую комиссию из проверенных членов партии. Срежем адреса на конвертах. Все письма из Сталинграда классифицируем по их настроению. Последние слова гренадеров Паулюса станут основой для создания бессмертной биографии... Я уже вижу, как потомки с трепетом приникнут к этим скрижалям!

Все сделали, как он велел: письма пустили в набор, и тут наступило отрезвление... Геббельсу было доложено:

– Такого мифа создать нельзя! Лишь два процента солдат армии Паулюса еще продолжали верить в дело фюрера, остальные слали проклятия. Вот послушайте: «Сталинград – хороший урок для немецкого народа. Жаль только, что тем, кто получил этот урок, трудно будет использовать его в будущие времена. Но всем нам, немцам, следует помнить о нем...»

Геббельс вчитался в корректуру. Некоторые фразы были уже подчеркнуты цензорами из бюро военно-статистической информации: «Ты – жена немецкого офицера, и ты должна понять все, что я тебе скажу... Я не трус! Но мне обидно, что самую большую храбрость я мог проявить в деле, которое абсолютно б е с с м ы с л е н н о и п р е с т у п н о... И так, ты знаешь, что я к тебе не вернусь. Но меня никто не убедит умереть со словами: “Хайль Гитлер!”»

– Да, это для печати не годится, – огорчился Геббельс...

18 февраля он выступил в берлинском Спортпаласте:

– Нам осталось две крайности: капитулировать или открыть тотальную войну... Вы разве хотите поражения?

– Нет, нет, никогда, – хором отвечали из зала.

– Значит, вы хотите тотальной войны?

– Да, да... хотим! – И зал вздрогнул в овациях.

...Геббельс не дожил до Нюрнбергского процесса. Зато на скамье подсудимых в Нюрнберге оказались два представителя германского генштаба – Йодль с Кейтелем. А фельдмаршал Паулюс занял место на трибуне свидетеля, и, кажется, был момент, когда из свидетеля он мог стать подсудимым.

* * *

Нюрнберг! Как он был страшен в те годы...

Американский солдат, удовлетворяя половой инстинкт прямо в подворотне, грубо сказал раскрашенной немке:

– Не все в Германии так уж и погано, как об этом писали в наших газетах. Благодарю вас, фрау!

Немка заплакала от женского стыда:

– Я ведь не проститутка... вдова капитана! У меня трое голодных детей, а что получишь от вас по карточкам?

«Джи-ай», ухмыльнувшись, протянул ей чулок:

– Можешь обменять на кофе... идет?

– А где второй?

– Если хочешь иметь пару, то второй получишь завтра на этом же месте. Сам я не приду, но пришлю вместо себя своего хорошего друга – со вторым чулком!

Да, страшен был Нюрнберг в 1946 году – поверженный, голодный, опозоренный. Над дверями приличных баров висели объявления: «Немцам вход воспрещен». На смену победным радиофанфарам Геббельса пришли ветхие шарманки, напевавшие старое, памятное еще со времен кайзера Вильгельма:

Мое дитя, ты не свихнись,
Где больше спятивших —
Туда стремись...

Бравые сержанты армии США торговали на рынках пенициллином, безногие калеки в мундирах вермахта предлагали авторучки «Паркер». Чашка кофе стала праздником, а жевательная резинка – развлечением. По указанию Эйзенхауэра немцы получали продуктовые карточки в том случае, если могли предъявить использованный билет на просмотр документального фильма о зверствах нацистов в концлагерях. Американцы гоняли немцев смотреть раскопанные рвы, в которых догнивали трупы замученных, а немцы говорили, что «они ничего не знали». Это бесило американцев:

– Хватит трепаться, будто вы не знали того, что у вас под носом творилось! Почему же мы, жившие за тысячи миль от Германии, были извещены обо всех ужасах в вашей стране...

В нюрнбергском Дворце юстиции заседал Международный трибунал, и там в качестве обвинительных документов тоже показывали фильмы о зверствах гитлеровского режима. Здесь тоже отворачивались от экрана, надевали непроницаемые очки, а некоторые военные преступники даже... плакали. Судьям и прокурорам невольно вспомнилась старинная сентенция: «Бойтесь побежденных немцев! Если им не удалось затопить мир в крови, они затопят его своими слезами...» Нюрнберг, бывшая «партийная столица» Гитлера, оказался столицей международного правосудия. Конечно, наехало множество журналистов и хроникеров, жаждавших неповторимых кадров, уникальных сенсаций. Но скоро первичная острота впечатлений притупилась. Корреспонденты проводили время в барах пресс-кемпа, маклачили бараклом, флиртовали. Впрочем, администрация Дворца юстиции предусмотрела и это. В бары были выведены репродукторы, доносившие каждое слово прокуроров и подсудимых, о важных событиях процессов оповещали гудками сирены, чтобы все поспешили к телетайпам, занимали телефонные будки... Американцы жаловались русским коллегам:

– Все надоело! О чем писать? Вот если бы московский обвинитель Руденко выхватил из карманов галифе пистолет и шлепнул за барьером самого Геринга... ого!

Морозный день 11 февраля не сулил никаких сенсаций. Никаких, пока речь не зашла о плане «Барбаросса» – плане нападения Германии на Советский Союз. Руденко представил трибуналу письменное показание по этому вопросу Паулюса:

– Его аффидевит прошу приобщить к делу...

Адвокаты, защищавшие на процессе военных преступников, даже в самом имени фельдмаршала ощутили добротный «материал» для защиты Йодля и Кейтеля, благо не кто иной, а сам Паулюс был главным создателем плана «Барбаросса».

Пошептавшись с Герингом и Риббентропом, они заявили:

– Суд, нам кажется, не может довольствоваться лишь письменным аффидевитом, для полного установления истины требуется и личное присутствие Паулюса.

Все заметили удовольствие на лице Геринга. Конечно, большевики способны подsunуть трибуналу липовую бумажку, будто писанную Паулюсом, но... где они возьмут самого Паулюса? А если фельдмаршал еще не околел после зверских пыток на Лубянке, то что хорошего он может сказать?

Лорд Лоренс почтительно спросил Руденко:

– Сколько надобно времени советской стороне обвинения для доставки сюда свидетеля Паулюса?

– П я т ь м и н у т, – ответил Руденко.

Это и был тот момент, когда сирена возвестила в пресс-кемпе небывалую для процесса сенсацию. Адвокаты в лиловых мантиях уже ринулись на трибуну:

– Нет, нет! Мы не настаиваем на вызове фельдмаршала Паулюса в качестве свидетеля советской стороны обвинения! Защита ознакомилась с его аффидевитом, и она полагает, что этого вполне достаточно для судебного процесса...

Поздно! Уже прозвенел звонок в руке Лоренса:

– Прошу ввести свидетеля Фридриха Паулюса...

Настала мертвая тишина, и в этой зловещей тишине зал услышал четкие шаги человека – это шагала сама история. Появилась подтянутая, юношески стройная фигура генерал-фельдмаршала, одетого в синий ладный костюм. Выражение его лица оставалось непроницаемо даже тогда, когда вокруг него вспыхивали репортерские «блицы», его нисколько не смутило резкое жужжание киноъемочных камер...

Нет, это не призрак. Нет, это не загробная тень.

– Вас зовут Фридрих-Вильгельм Паулюс?

– Да.

– Вы какого года рождения?

– Тысяча восемьсот девяностого.

– Вы родились в деревне Брейтенау?

– Да. Гессен-Кассельские земли Германии. – Рука фельдмаршала бестрепетно покоится на Библии. – Клянусь говорить правду, только правду...

Геринг надевает черные очки. Кейтель передает записку Риббентропу, Йодль делает вид, что сейчас нет ничего интереснее на свете, чем играть с карандашом. Паулюс ровным тоном рассказывает, как зарождалась преступная агрессия против Европы, прямо в лицо разоблачает тех, от кого отделен сейчас барьером неприкасаемости. Адвокатам военных преступников такая правда не нужна! Но есть выход: запугать фельдмаршала, вызвать к нему антипатию, здесь же следует превратить его в мерзавца и продажную тварь:

– Знает ли господин Паулюс, что если высокий трибунал, осуждая фельдмаршала германского генштаба, сочтет этот генштаб организацией преступной, то и господин Паулюс автоматически переводится в разряд преступников?

Но Паулюс не такой человек, которого можно упрятать за барьер. Ясно, что сидеть между Йодлем и Кейтелем он не намерен... Вот его протокольный ответ:

– Я здесь выступаю в качестве свидетеля в отношении тех обвинений, которые предъявлены подсудимым. Поэтому я прошу суд позволить мне не отвечать на вопросы, которые направлены на то, чтобы обвинить лично меня.

Перекрестный допрос адвокатов напоминает ему перекрестный обстрел из пулеметов... еще там, в Сталинграде!

– Правда ли, что вы читаете лекции в московской Академии Генерального штаба, обучая советских генералов?

Что-то вроде улыбки исказило лицо Паулюса:

– Постарайтесь вспомнить, кто кого победил в этой войне. Есть ли резон в том, что русские генералы будут выслушивать мои лекции, основанные на горьком опыте?

– А какая у вас должность сейчас?

– Самая отвратительная – военнопленный.

– Вас привезли сюда из концлагеря?

– Нет. Я живу под Москвою... на даче.

– И чем же вы заняты на этой даче?

– Вспоминаю. Рисую. Кормлю белок. Развожу цветы...

Чешский журналист из «Руде право» Зденек Кропач записал:

«Когда фельдмаршал уходил, не чувствовалось, что он устал. Все такой же уверенный в себе, он шел длинными коридорами в сопровождении советско-американского конвоя».

Здесь его перехватил корреспондент Хейдеккер:

– Один вопрос – как живет пленный в России?

– Хорошо, – ответил Паулюс кратко.

«Джи-ай» уже отталкивал Хейдеккера, приказывая ему удалиться, но тот успел еще крикнуть:

– Хорошо? И даже вашим сталинградским?

– Успокойте немецких матерей, – холодно произнес Паулюс. – Напишите в своей газете, что германские военнопленные в России обеспечены гораздо лучше, нежели русские дети... Они были бы счастливы иметь сахарный паек – какой имеют мои солдаты...

* * *

.....

ом дворе в деревне под Нюрнбергом майор не отказался от беседы с московским журналистом Михаилом Гусом, который всю войну вел в эфире борьбу с радиопропагандой Геббельса.

Здесь, в немецкой деревне, Гус узнал, что осенью 1944 года семья фельдмаршала была репрессирована.

– Арестовали не только меня, но и мать, жену, всех детей. Я сидел в гестапо на Принц-Альбертштрассе, восемь. Потом перевели в военную тюрьму Кюстрина. Сейчас с женой проживаю во Фризене, где служу на печной фабрике тестя...

– Наверное, репрессии обрушились на вашу семью, когда фельдмаршал выступил по московскому радио против нацистского режима и лично против Гитлера?

– Пожалуй, раньше... Сразу, как только отец вступился за генерала Зейдлица, и я до сих пор не пойму, зачем он это сделал? Отец знал обстановку в рейхе, мог бы и пощадить нас. Я знаю, что Зейдлиц в плену стал вашим агентом. Но он предал моего отца еще в котле. Роль этого генерала в судьбе отца оказалась столь же роковой, как и влияние Артура Шмидта... Вы его знаете?

– Да, майор. Они и в Сталинграде не ладили. Генерал Шмидт как нацистский преступник осужден на двадцать пять лет и освободится нескоро.

В беседе было никак не миновать Сталинграда.

– Вы, – сказал майор Паулюс, – не должны думать об этой трагедии упрощенно. Это не только наше поражение и не только ваша победа. В котле Сталинграда возникали проблемы не обязательно военные. Были и политические. Были и чисто моральные. Надеюсь, с вашей стороны тоже возникали подобные вопросы. А теперь немецкий фельдмаршал, мой отец, вынужден перед лицом Международного трибунала осуждать своих же коллег.

– Все, что делает ваш отец, – отвечал Гус, – он делает добровольно, и не ошибаетесь ли вы, думая, что он вынужден давать показания? Вам, вышедшему из тюрьмы гестапо, не следовало бы рассуждать так наивно. Простите меня.

– Ах, при чем здесь тюрьма! Франц Гальдер, начальник нашего генштаба, тоже сидел в концлагере, Ялмара Шахта американцы вытащили чуть ли не из печей крематория в Дахау. А теперь вы же объявили их военными преступниками... Да, – заключил майор, – Германия сейчас в слезах, но придет время, и мы, побежденные, еще станем потешаться над вами, победителями. Помните, что завещал великий Шиллер: «Даже на могилах пробиваются яркие ростки надежды...»

И даже здесь, в пригородах Нюрнберга, скрипела старинная шарманка, воскрешая былое, из которого все и возникло:

Мое дитя, ты не свихнись,
Где больше спятивших —
туда стремись...

Следи реке, начиная с ее истоков.

Истина сегодня – завтра окажется ложью.

Ф. Паулюс. Из записной книжки

Часть первая. Большая стратегия

Мне тогда совсем не приходила в голову революционная мысль о том, чтобы сознательно вызвать поражение и тем самым привести к падению Гитлера и нацистского режима как препятствия для окончания войны.

Из архива фельдмаршала Ф. Паулюса

Фридрих Паулюс – одна из наиболее выразительных фигур германского фашистского генерального штаба. Судьба этого человека, если рассматривать ее через призму исторических судеб германского милитаризма, характерна.

Д. М. Проэктор. Агрессия и катастрофа

1. Руки по швам

Красная вертикаль лампаса подчеркивала его стройность.

Внешне и внутренне Фридрих Паулюс как бы выражал некий эталон образцового генштабиста. Неразлучное присутствие красивой жены с ее очень выразительной внешностью яркой бухарестской красавицы дополняло его лаконичный облик.

В светском обществе он любил вспоминать былое:

– Дамы и господа, я вышел из школы Ганса Секта, стесненного условиями Версальского мира. Сект не имел права усиливать нашу армию. Но старик извернулся, найдя выход. В его рейхсвере любой фельдфебель готовился в лейтенанты, а лейтенанты умели командовать батальонами. Версаль воспретил нам, немцам, иметь танки! Но в автомобильной роте Цоссена мы обучались на тракторах, ибо трактор сродни танку. А наши замечательные конструкторы втайне уже работали над проектами совершенных форм и прекрасных моторов. Наконец пришел Гитлер, он денонсировал позорные статьи Версаля, и мы сразу оказались закованы в крупноповскую броню...

Типичный офицер старой школы, Фридрих Паулюс, отдадим ему должное, был далек от пруссачества – с его моноклем в глазу и выпрененным фанфаронством. Ему, рожденному при жизни Бисмарка и Мольтке, было суждено отмаршировать в рядах армии кайзера, рейхсвера генерала Секта и гитлеровского вермахта. Перешагнув за сорок лет, Паулюс с нежной грустью вспоминал минувшую эпоху «Вильгельмцайт», отзвучавшую призывными звуками вальса:

– Германия жила иначе. По вечерам на улицах слышалась музыка, немцы были добрее и много танцевали. А какие вкусные ликеры привозили из Данцига! Тогда от самой Оперы до Бранденбургских ворот можно было гулять под липами...

Теперь – увы – Унтер-ден-Линден казалась голой: Гитлер вырубил древние липы, посаженные еще при Гогенцоллернах, чтобы деревья не мешали его факельным манифестациям.

Паулюс всегда грустил, вспоминая эти берлинские липы, а площадь Павших борцов в Сталинграде еще не тревожила его стратегического воображения, да и сам Сталинград на картах именовался по-старому – Царицын. Но как генштабист, Паулюс хорошо знал самое для него существенное:

– Там у большевиков тракторный завод, а где трактора – там и танки. Только этим интересен для меня этот город...

А все-таки, читатель, как же эта жизнь начиналась?

* * *

Фридрих Паулюс был сыном счетовода, служившего в тюрьме Касселя; мать его, тихая и болезненная женщина, была дочерью дирижера, управлявшего хором арестантов в той же тюрьме, и, пока тесть разучивал с арестантами божественные хоралы с призывами ко Всевышнему о милости, его отец отшелкивал на счетах количество съеденного арестантами гороха с салом.

Семья Паулюсов, очень старинная в Гессен-Кассельских землях, знатной родословностью не могла похвастать, ибо их предки извечно крестьянствовали, лишь одиночки выбились в священники, сельские учителя или оставались мелкими чиновниками.

Отец внушал быстро подрастающему сыну:

– Всегда помни, Фриц, что все гессенцы, потомки древнегерманского племени каттов, были людьми честными, верными и добропорядочными. Знай, что лучше совсем не иметь друзей, но только бы никогда не иметь и врагов.

– Да, папа, – соглашался мальчик...

Паулюсу запомнилась вечно заботящаяся обо всех мать, старательный труженик-отец, который вечерами иногда приносил домой кастрюлю с гороховой похлебкой, что оставалась от ужина арестантов, семья Паулюсов насыщалась, старательно вспоминая Бога, который о них не забывает.

Шел 1909 год, когда Фридрих Паулюс закончил гимназию и вышел в большой мир, который для него был заранее ограничен кастовыми перегородками. Он вырос грамотным, послушным, со всеми одинаково ровный, ни с кем не сближаясь и ни с кем не враждуя. Его аттестат зрелости лишь подтверждал достоинства юноши, но дорог в будущее не указывал. Германия времен кайзера была строгой империей, где все люди были заранее расположены по сословиям, как товары в магазине по полкам, и рожденный в подвале не смел претендовать на место в высших этажах имперского здания. Свою ущербность выходца из мелкобуржуазной семьи Паулюс испытал сразу же, когда его не приняли в военно-морскую школу.

– Советуем быть скромнее в своих желаниях, – заявили в школе Паулюсу. – Разве у вас в роду имелись офицеры?

– Нет, – стыдливо покраснел Паулюс.

– Может, были коммерц-советники?

– Тоже нет.

– В таком случае ищите в жизни другие пути...

Иные пути привели его в Марбург, где Паулюс стал изучать право в университете. Юридическая казуистика не заманивала его в свои головоломные дебри, где привольно паслись будущие зубры-прокуроры и адвокаты с повадками хитрых лис, – Паулюса волновало иное: как ему, сыну счетовода, сбросить ярмо своего презренного сословия, чтобы вступить в новый, сверкающий мир?..

Факультет права в Марбурге примыкал к клинике для умалишенных, и вечерами, покинув аудиторию, Паулюс гулял в скверике, раскланиваясь с психопатами, среди которых встречались умнейшие люди. Как-то один из них, узнав о сетованиях юноши, сказал, что история Германии во все времена была, есть и будет только историей офицерского корпуса:

– Рано или поздно Германии предстоит вести большую войну, и армия готовится к ней, допуская в офицерское казино даже отпрысков из семей чиновничества. Попытайте счастья в Баденском полку имени принца Евгения Савойского... Служить не трудно, если держать руки по швам!

Паулюс начал службу в звании «юнкер-ассистента при знамени». Это случилось в феврале 1910 года, а осенью уже выбился в фенрики – кандидаты в офицеры. Он получил допуск

в офицерское казино, под сень которого и вступил с молитвенным настроением пилигрима, отряхнувшего прах с ног своих, чтобы войти в заколдованный храм, где ему откроются непреложные истины. Тогда же Паулюс окончил военную школу в Энгерсе, и наконец пробил волшебный час: в августе 1911 года он стал лейтенантом. Первой узнала об этом его любимая сестра Корнелия, которую в семье называли Нелли. При встрече в Ранштадте она пылко ласкала эполеты на плечах брата, целовала эфес его сабли.

– Кто бы мог подумать, – шептала она в небывалом экстазе. – Неужели и мы, Паулюсы, стали иметь офицера? Фриц, только б не было войны... Ах, ты бы знал, что стало с отцом и матерью, когда они известились о том, что их сын – лейтенант!

– Нелли, – отвечал Паулюс, обнимая ее узкие плечи. – Знала бы ты, что со мною происходит! Да, я ступил одною ногою на ту лестницу, по которой легко избежали другие. Но теперь, теперь... я очень влюблен.

– Так это же хорошо, – порадовалась сестра.

– Это очень сложно. Ибо добиться руки и сердца моей избранницы для меня сейчас труднее, нежели стать фельдмаршалом. Не пугай маму и папу тем, что у их сына кружится голова.

* * *

Было от чего закружиться голове лейтенанта...

Внешне это ни в чем не проявлялось: Паулюс оставался по-прежнему пунктуальным в службе, ровным в обращении с высшими и низшими, его голос – в радости или гневе – оставался спокойным. Казалось, возмутить его невозможно! Высокий и очень стройный, Паулюс был излишне щеголеват, бдительно следил за чистотой манжет, за блеском своих сапог, за строгоустановленным размером мундирного воротничка.

– Милорд, – говорили о нем в Баденском полку, и он даже гордился этим прозвищем, которое заслужил корректной холодностью, одинаково пленявшей и его врагов, и его друзей.

Товарищами в полку были два брата-румына – Ефрем и Константин Розетти-Солеску, сыновья бухарестского консула в Берлине, и Паулюса влекло к братьям, ибо они для него были выходцами как раз из того загадочного и волшебного мира, который для Паулюса всегда оставался недоступным.

– Знай, – говорили братья, – что по линии матери мы приходим от племянника римского императора Юстиниана, наши предки из Генуи выехали в Валахию, где и стали боярами. Прабабушка была из рода князей Стурдза, что были господарями Молдовы, а наша бабка из сербской династии Обреновичей, что были королями в Белграде. Наконец, наш родной дядя, Георг Розетти-Солеску, был румынским послом в Петербурге, где и женился на Ольге фон Гирс, племяннице русского министра иностранных дел в царствование Александра III...

Да, действительно, было от чего закружиться голове Паулюса!

Розетти-Солеску считались в Баденском полку крезам, ибо их мать, разведенная с мужем и оставшаяся жить в Германии, имела немалые доходы с колоссальных имений в Валахии, – к маркам они относились небрежно, а Паулюс подсчитывал даже пфенниги. Как бы ни был он респектабелен внешне, как бы ни стремился оставаться в душе порядочным человеком, все равно Паулюс в глубине сердца мучительно завидовал аристократам, родня которых образовала космополитическую диаспору – от Петербурга до Берлина, от Белграда до Бухареста.

– Где ты проводишь отпуск? – спросили братья.

– Да так... где придется. А что?

Но при этом подумал, что дома, в родимом Касселе, опять ему доедать вчерашний суп, слушать вздохи и стоны матери, вечно больной, слушать, как после ужина отец будет вслух читать газету «Тетка Фосс» – о берлинских сплетнях, а сестра позовет в гости свою любимую

подругу Лину Кнауфф, давно влюбленную в Паулюса, чтобы потом исподтишка и даже завистливо наблюдать за развитием романа... Тошно!

– Вот что, – сказали ему братья Розетти-Солеску, – мы отдыхаем летом в горном Шварцвальде, составь нам компанию для отдыха. Кстати, у тебя такие длинные руки и ноги, что как раз годишься сестре для игры в теннис.

Спасибо, что пригласили! Уже не денщик в казино ставил перед Паулюсом тарелку, а вышколенный лакей расставлял перед ним целый куверт из серебра с бокалами. Аристократическим холодом веяло от матери его однополчан. Катаржина Розетти-Солеску была дружна с румынской королевой Елизаветой, по рекомендации которой она и была принята в Карлсруэ при дворе баденской герцогини Луизы, что доводилась дочерью германскому императору Вильгельму I. Придворная дама, внешне очень приятная, она смотрела на лейтенанта Паулюса свысока, словно на мелочь, недостойную ее внимания.

Усаживаясь во главе стола как хозяйка дома, Катаржина Розетти-Солеску даже и не посмотрела на Паулюса и, заметив пустой стул возле него, недовольным тоном сказала:

– Моя дочь имеет дурную привычку опаздывать...

Елена-Констанция, ее дочь, села рядом с Паулюсом, и он невольно сжался, очарованный ее красотой и напряженный оттого, что боялся ее вопросов, неожиданных для него, на которые не всегда мог ответить. После обеда Елена предложила ему прогулку до водопада в Раумюнцбахе.

– Извините, что по-немецки я говорю с акцентом француженки, – сказала девушка. – Виною тому мое воспитание. Наверное, не самое лучшее для моего круга...

Паулюс осторожными намеками выведал, что она старше его на один год, что воспитание она получила сначала в Париже, училась в пансионе Константинополя, а потом...

– Потом окончила девичий лицей королевы Виктории в Карлсруэ, почему и принята при дворе герцогини Луизы...

И вдруг случилось чудо! На горной тропе Паулюс испытал головокружение, и Елена-Констанция бережно указала ему место, где можно присесть, чтобы избавиться от дурноты при виде пропасти.

– Вы очень милы, лейтенант, – сказала она, откровенно любуясь им. – Мне братья рассказывали о вас. Кстати, я забыла, как зовут вас в полку?

– Милорд, – смущенно отозвался Паулюс.

– А еще как?

– Кунктатор. Потому что я слишком щепетилен в вопросах службы, стараясь быть пунктуальным во всем, что я делаю.

Стройная и красивая, она долго смотрела вдаль, а внизу, где-то глубоко, струились к вершинам тонкие дымки деревень шварцвальдских крестьян. Кажется, девушка о чем-то думала. Неожиданным был для Паулюса ее вопрос:

– И что же теперь вы собираетесь делать?

– Я хотел бы...

«Поцеловать вас», – ожидала она, но ответ был иным:

– Я хотел бы получить адъютантскую должность, ибо склонен к усидчивой кабинетной работе при штабах.

– Это... все? – смущенно спросила она.

– На первые годы – да, я был бы счастлив.

– Вы ошибаетесь. Аксельбант адъютанта от вас не уйдет, а вот я могу уйти и оставить вас на этой горной тропе, где вы изнемогаете от робости и головокружения...

Все стало ясно! Брак предстоял морганатический, неравный для нее, зато очень выгодный для Паулюса, сразу выводящий его из общей шеренги лейтенантов. Паулюсу было не совсем-то удобно представлять жену-аристократку в родительском доме, которую он ласково

называл Коко, но она восприняла все как надо – и бедный суп с картофелем, и чтение по вечерам газеты, и даже сестру мужа – Корнелию, которая смотрела на свою золовку во все глаза, как на заморское чудо...

Вот и 1914 год! В этом году началась мировая война, а жена Паулюса одарила его дочерью, которую нарекли славянским именем – Ольга; в конце той же войны Елена-Констанция разрешилась близнецами-сыновьями. Фридрих в чине капитана будет убит итальянскими партизанами после свержения Муссолини, а второй сын, Эрнст-Александр, – это тот самый майор вермахта, который в Нюрнберге 1946 года почти озлобленно заявил нашему корреспонденту:

– Вы слишком гордитесь своей победой. А скоро все вы, и русские и ваши союзники, разинете рты от изумления, когда избитая Германия поднимется с корточек, на которые вы немцев поставили... Так уже было! Было после Версальского мира, так будет и после Потсдамского... А имя моего отца уже принадлежит истории!

2. Внимание – танки!

Паулюс закончил войну капитаном, имея Железный крест от кайзера. Подвигам за ним, правда, не числилось, да он и сам не стремился совершать их. Известно: Паулюс использовал годы войны для того, чтобы заявить себя штабным работником. Он держался подалеке от окопов и поближе к начальству; он не сидел в блиндажах, давя на себе вшей, а в тиши кабинетов, благоухая одеколоном, составлял отчеты по расходу вооружения и графики движения войск. «Офицер для поручений», Паулюс становился необходим для начальства, как хороший справочник для повседневного употребления. К тому же он обладал природным тактом, был сдержан в выражении эмоций, умел совмещать несовместимое, очень любил писать, никогда не уставая, неизменно помня о том, о чем начальники часто забывали, – все эти качества делали Паулюса нужным всем командирам.

Один из его полковников, принц Эрнст Саксен-Мейнингенский, в душе артист и художник, предупреждал Паулюса, чтобы тот никогда не совался в политику, и в этом случае предрекал ему скорую карьеру генеральштеблера (офицера генерального штаба):

– Только не лезьте в это вонючее дерьмо, что называется политикой, – говорил принц. – Если бы не политики рейхстага – мы бы сидели сейчас дома возле камина, а кошка катала бы клубок ниток возле ног любимой жены... Разве же это плохо, Паулюс?

Война закончилась Версальским миром, который офицеры называли «позорным», готовые хоть сейчас «переиграть» войну заново. Германия была в разброде чувств и мнений, все чего-то хотели, все кого-то ненавидели, а больше всего немцы хотели... есть! Однажды в отеле «Бристоль», где вместо масла подавали маргарин, а вместо свежего мяса консервы, Паулюс заказал натуральный бифштекс, который стоил четырехста марок, а одноглазый официант, распознавший в нем фронтовика, дружески предупредил:

– Ешьте скорее, ибо цены растут, и, пока вы ковыряетесь с ножом и вилок, бифштекс будет стоить уже семьсот марок...

Ряды рейхсвера редели, множество офицеров слонялось без дела, вспоминая блиндажи и окопы, как уютные квартиры. Отставные генералы хвастались победами, каждый из них выиграл грандиозную битву, и было лишь непонятно, почему все вместе они проиграли войну, ввергнув Германию в хаос нищеты, в разброд инфляции и политической бестолочи. Паулюсу повезло: он остался в рядах рейхсвера, продолжая делать карьеру, столь удачно начатую...

Как искусствовед по фрагменту картины безошибочно угадывает автора полотна, так и Паулюс – по рельефу местности и отметинам построения войск – точно определял время и название битвы. В эти трудные годы ни он, ни его семья нужды не испытывали, ибо доходы с валашского имения Капацени поступали регулярно. Паулюс имел хорошую квартиру на Альтенштайнштрассе, но служба постоянно отрывала его от жены и детей, которых он очень любил.

Военная служба однажды забросила его в Штутгарт, где стоял 13-й полк (пехотный), и здесь, далекий от того, чтобы заводить друзей, он, кажется, нашел друга, и позже, много лет спустя, что-то роковое будет связывать его с ним, делая неудачи одного зависимыми от побед другого.

Этого офицера звали Эрвин Роммель, он был тогда командиром пулеметной роты, а в офицерском казино Роммеля иначе как «швабский задира» и не называли. Казалось, что общего может быть между ними? Роммель – обвешанный орденами фронтовик, всегда готовый выпить и поскандалить, а Паулюс – джентльмен, с утра застегнутый на все пуговицы, легко ранимый грубостью, тихий, иногда даже мечтательный. Однако крайности сходятся, и Паулюс, обычно замкнутый, был с Роммелем доверителем.

– Эрвин, – как-то сказал он ему, – ты со своим буйным характером когда-нибудь оставишь голову в канаве.

– Завидуешь? – хохотал Роммель.

– Нет. Я не люблю строчить из пулеметов, предпочитая любой стрельбе музыку Баха... Моя мечта – планировать и руководить; чтобы слева от меня лежали карты, а справа – названивал телефон. Наконец, я хочу читать лекции по оперативному искусству, чтобы видеть раскрытые рты слушателей.

– Валяй, Фриц! Может, заодно и выпьем?

– Ты пей, а я должен быть со свежей головой, чтобы вечером, как актер, отрепетировать свои планы на завтра.

– Черт с тобой, репетируй! А я напьюсь...

Паулюс уже прошел специальные курсы для офицеров генерального штаба, сдал экзамены в Высшей технической школе в Шарлоттенберге, куда неучей не принимали, изучил военную топографию. Брак с румынской аристократкой во многом дописал облик Паулюса; умная и образованная женщина, она привила мужу интерес к широким познаниям, от Коко он приобрел лоск культурного светского человека (будучи в плену, фельдмаршал поразил нашего академика А. М. Кирхенштейна: «Фельдмаршал со знанием дела говорил мне о новейших способах лечения туберкулеза, о целебных свойствах швейцарского курорта Давоса, о последних трудах немецких физиологов...»).

Осенью 1931 года Паулюса отозвали в Берлин, где его поздравили с чином майора генерального штаба и поручили ему чтение лекций по вопросам тактики:

– Вы же знаете, Паулюс, как унижена наша армия всякими запретами «Версаля», и потому курс ваших лекций не будем афишировать для публики. Часть офицеров, ваших слушателей, нужна для окружения этого... Ну, вы догадываетесь, этого ефрейтора Адольфа Гитлера, чтобы мы, военная элита, водили его потом на коротком поводке. Но у нас имеется запрос из Москвы, чтобы курс лекций по тактике прослушали и советские командиры.

Удивляться не стоит: Гудериан учился водить танки в Казани, говорили, что Геринг учил наших ребят водить самолеты в Липецке, ибо отношения между немцами и русскими были приличными.

Имя Гитлера было известно, но Паулюс не придавал фюреру нацистов особого внимания и значения.

– Я привык держать руки по швам! – не раз повторял Паулюс. – Мои погоны майора определяют мое положение в рейхсвере, но никак не могут определять мои политические взгляды...

Кажется, его недаром прозвали «кунктатором» (замедлителем). Паулюс любил все обдумать и взвесить, за раскаленное железо он голыми руками не хватался. В служебной характеристике его было начертано:

«Прекрасно воспитанный, иногда излишне скромн... почтителен, очень методичен. Отличается выдающимися способностями как тактик, хотя склонен тратить чрезвычайно много времени на обдумывание обстановки... детально исследует каждую ситуацию».

– Пожалуй, – сказал Гудериан, – этот человек мне подойдет.

Гудериана называли в рейхсвере, а потом и в гитлеровском вермахте «быстроходным Гейнцем»!

* * *

Танки... Когда лорд Китченер, отъявленный консерватор, увидел первый танк, ползущий по земле, он сказал:

– Этой дурацкой тарактелкой хорошо бы пугать беременных кошек, но разве таким железным ящиком можно выиграть войну?..

Время опровергло скептицизм. Когда Паулюс начал в Цоссене «пахать» землю на тракторах, далеко за океаном молодой, еще никому не известный майор Дуайт Эйзенхауэр уже призывал в американских газетах: «Нужно забыть о неуклюжих неповоротливых машинах. Их место должны занять скоростные, надежные танки, обладающие колоссальной разрушительной силой».

Гитлеру недолго оставалось до прихода к власти; немецкий генштаб, работавший еще скрытно, почти подпольно, однажды встревожился, а все думающие военные, в том числе и Паулюс, были крайне озабочены сообщением из Москвы.

– Неужели русские нас перегнали? – говорил Гудериан. – У них в армии появились механизированные корпуса. Правда, – успокоил он себя, – я не вижу у них хороших машин, их конструкторы еще не нашли верных решений для своих «роликов», чтобы маршевая скорость отвечала силе оружия...

В рейхсвере и вермахте танки было принято именовать роликами. Гудериан в чине полковника был тогда начальником главного штаба всех мотомеханизированных частей.

– Вы уже покатались на тракторах, – сказал он Паулюсу, – а сейчас приходит время готовить боевые машины. Чтобы французы или англичане не слишком нервничали, будем считать, что в Вюнсдорфе существует только автотранспортная часть...

Паулюс тогда же получил чин подполковника.

Гитлер явно спешил к власти, а престарелый маршал Гинденбург не торопился умирать, чтобы освободить ему вершину политического Парнаса. Как и большинство военных, Паулюс не испытывал никакой гармонии с идеями национал-социализма, и он даже не удивился, когда генерал Герд фон Рундштедт высмеял бредовые мысли Гитлера о расовом превосходстве немцев:

– Боже мой, какая бессмыслица! И разве можно говорить о «чистоте расы», если население Германии – с б р о д? В наших дедушках и прабабушках мы отыщем слияние славянской, романской и динарской кровей. Стоит ли говорить о чистоте крови, если в древности даже Берлин был славянской деревушкой на берегах Шпрее, в которой славяне ловили раков и осетров.

Фельдмаршал Теодор-Федор фон Бок, поздравляя Паулюса с назначением на танкодромы в Вюнсдорф-Бергене, о политической «возне» там, наверху, высказался более откровенно:

– От размягчения костей немецкий народ переключается на размягчение мозгов... В любом случае, – договорил фон Бок, – от этого парня с челкой на лбу всегда надо прятать спички подальше, чтобы он не устроил хорошего пожара...

Нет цели светлей и желаннее.
Мы вдребезги мир разобьем!
Сегодня мы взяли Германию,
А завтра всю землю возьмем...

Из источников достоверно известно: Паулюс воспринял появление Гитлера с безгливостью чисто плотного человека; ему, как и многим немцам, претили нравы нацистской верхушки, возмущали их крикливые выходки. Но мундир требовал повиновения:

– Я только солдат. Мои руки – по швам! Мы во времена Секта даже не задумывались над политикой. Во что превратится армия, если в казармах устроят публичные митинги?..

Его отчасти обескуражило, что многие офицеры, которых он знал и достаточно уважал, вдруг оказались в окружении Гитлера. Паулюс всегда сторонился любой «партийности».

– Вокруг любой идеи, – говорил он, – будь она плохой или хорошей, всегда крутится толпа бездельников, словно вокруг бочки свежего пива. Потом к идее примазываются всякие жулики и политические аферисты, заинтересованные уже не в идеалах партии, а лишь в том,

чтобы нажраться как можно больше при жизни и оставить детям кое-что в банках Швейцарии. И пусть наши социологи не завираются: еще никому не удалось создать рай на земле, зато в аду каждый человек побывал...

В офицерском казино Вюнсдорфа, конечно, были одни разговоры, а в семье Паулюса совсем иные. Катаржина Розетти-Солеску, его теща, была переполнена гневом аристократки.

– Это грязный плебей с замашками балаганного зазывалы, – говорила она о фюрере, а жена Паулюса не возражала матери, она еще более едко судила о Гитлере и его компании.

Паулюс, оставаясь почти равнодушным, отвечал теще, что Гитлер не с потолка свалился, а пришел к власти демократическим путем – через всенародное избрание.

– Ах, эта демократия! – восклицала теща. – Все преступления прикрывает она заботой о народе. Вы только посмотрите, что случилось с Россией, когда убили царя... Нет, я была и остаюсь убежденной монархисткой.

– Я... тоже, – добавила Елена-Констанция. – Впрочем, история любой страны знала диктаторов: во Франции – кровавый Робеспьер, в Италии – дуче Муссолини, в России – азиат Сталин, а у нас, а у нас... Гитлер!

Как бы то ни было, но вскоре Паулюсу стало импонировать внимание фюрера к созданию мощного вермахта, к развитию боевой техники. Гитлер не поленился лично посетить Вюнсдорф, и во время обкатки новых танков системы Т-1 Паулюс убедился, что фюрер ценит силу моторов, они очень мило и даже душевно побеседовали о фильтрах, всасывающих воздух в утробу раскаленного чудовища. Паулюс остался доволен визитом Гитлера и потом, встретившись с генералом Вальтером фон Рейхенау, сказал ему:

– Наш ефрейтор разбирается даже в танковых фильтрах. Вот чего я никак от него не ожидал...

Рейхенау, грубый весельчак, долго смеялся:

– Нам следует держаться этого удачливого парня! Если бы Гитлер играл в картишки, он бы каждый вечер таскал домой по чемодану денег. На чьей стороне воевать – за чертей или за ангелов – этот вопрос оставим для умозаключений папы римского.

Под окнами рейхсканцелярии не расходились берлинские обыватели, ждавшие явления фюрера на балконе как чуда, и кричали ему: «Хайль, Гитлер!» Правда, в толпе находились и отчаянные смельчаки, под шумок возвещавшие «Хальб-литер!» (что означало хвалу пол-литру шнапса). Но это были героини-одиночки. Берлинскую толпу уже пронизывали агенты гестапо, как жирную землю пронизывают алчные черви...

Скоро жене Паулюса надоели его постоянные поездки по танкодромам и мотошколам в Вюнсдорф-Бергене и Дебериц-Эльсгрунде:

– Не пора ли, Фриди, осесть где-нибудь при штабе?

Паулюс понимал ее сетования, он и сам хотел бы уйти в кабинетную жизнь, в приятный шорох разворачиваемых по ночам карт и графиков, за которыми стояло призывное выражение Гудериана: «Танки – вперед!» На Гудериана же он и сослался:

– Коко, все зависит от «быстроходного Гейнца»...

Судьба Паулюса разрешилась 1 июня 1935 года, когда, срочно вызванный в Берлин, он предстал перед Гудерианом. Тот был обложен стопками книг, и среди них Паулюс успел заметить только военные труды Фуллера и Лидел Гарта.

– Кажется, – сказал Гудериан, – Тухачевский в Москве начал понимать то, о чем я твержу много лет нашим болванам. В будущей войне главным фактором станет движение, помноженное на мощь огня... Поздравляю! – вдруг сказал Гудериан.

– С чем? – удивился Паулюс.

– Отныне вы – полковник генерального штаба и... Я отъезжаю в Вюрцбург принимать новую панцер-дивизию, а вы остаетесь на моем месте.

– Кем?

– Начальником главного штаба всех мотомеханизированных войск, которые и станут для вермахта главной бронетанковой силой... Надеюсь, вас устроит мой кабинет?

– Благодарю.

– Благодарите фюрера, который очень хорошо отзывается о вас, Паулюс, ему сейчас нужны именно такие люди, как вы, чтобы не болтать, а – делать...

На прощание Гудериан преподал Паулюсу добрый совет: так как у Гитлера есть техническое чутье ко всему, что касается развития техники, то Паулюс в любом случае может добиться успеха в борьбе за все новое в танкопроизводстве, если он обратится непосредственно к фюреру:

– Фюрер поймет и поможет. Всего доброго, Паулюс...

В новом звании и с новым назначением Паулюс вернулся домой, на Альтенштайнштрассе, с букетом цветов.

– Теперь мы, Коко, не расстанемся. Все получилось так, как ты и хотела. Конечно, мое призвание – теория. Я ведь не Гудериан, который согласен дрыхнуть внутри танка; ты, Коко, сама знаешь, что я более склонен к мозговым решениям!

Однако этот интеллеktуал, склонный (не спорю) лишь к умственному труду, въехал в историю Европы на грохочущем танке, заляпанном грязью, кровью и мозгами раздавленных людей. Бронетанковая сила вермахта была основой всех будущих агрессий, и Паулюс оказался в числе первых – после Гейнца Гудериана! – толкователей глубоких прорывов, бронированных таранов на поле боя. В силу своей порядочности, очень далекий от примитивной зависти, Паулюс иногда все-таки испытывал к «быстроходному Гейнцу» некое ревнивое чувство, которое от Коко и не думал скрывать:

– Верно ли считать Гейнца автором танкового блицкрига? За время учебы в Казани он наверняка перенял для себя новое из тактики русских. Наконец, немало позаимствовал из рассуждений австрийца фон Эймансбергера, который раньше всех нас преподнес миру идею глубокого танкового прорыва. Русские перевели фон Эймансбергера, и, надо полагать, в будущем они учтут наступательный дух своих танковых двигателей.

* * *

Еще в двадцатые годы Берлин был переполнен русскими эмигрантами, русская речь звучала на улицах, всюду русские издательства, русские журналы в киосках, на киноэкранах – русские актеры, вечерами шумели русские рестораны, из которых на улицы немецкой столицы выплескивалось столь знакомое:

Марфуша все хохочет,
Марфуша замуж хочет,
И будет она верная же-е-на-а-а...

В ту пору даже существовал анекдот. На улице встретились двое русских, поздоровались, вспомнили, как водится, феерический блеск Петербурга или дремотную тишину Тамбова.

– Ну а как тебе Берлин? – спросил один другого.

– Да ничего городишко. Одно в нем плохо.

– Плохо? А что же?

– Да то, что немцев в нем еще много и – вот беда! – все немцы говорят по-немецки...

Понятно, что русские эмигранты не миновали и дома Паулюса, где их любезно привечали Розетти-Солеску, мать с дочерью. Теще Паулюса, конечно, эти эмигранты казались намного интереснее и дороже тех выскочек «нового времени», что появились при Гитлере на высотах власти и которые – это было ей даже неприятно! – появлялись иногда за столом в доме ее зятя.

Паулюс никогда не питал особого любопытства к России (по родству жены он более интересовался Румынией), но как хозяин дома полковник радушен к русским. В его обширной квартире на Альтенштайнштрассе перебивало немало знатных эмигрантов: Бискупский – муж певицы Вьяльцевой, а теперь приятель Гимmlера, графы Шуваловы, князя Васильчиковы и граф Валентин Зубов. Специально для русских ставился самовар, и, попивая чай, неумело заваренный горничной, Паулюс вежливо вникал в разговоры гостей, не всегда ему понятные, о той России, что была раньше и какой не стало. Иногда он даже вмешивался в беседу, но информация Паулюса о новой русской жизни была скорее забавной:

– Мне рассказывали люди, недавно побывавшие в России, что русские после революции приобрели очень странные, даже дикие привычки. Так, они теперь не любят иметь отдельные квартиры, а стараются занимать в них лишь отдельные комнаты. Мало того, страсть к коллективизации так велика, что русские почему-то любят спать по пять-десять человек в одной комнате: мужчины, женщины, дети – все вповалку...

Странно, что Паулюс, человек эрудированный и начитанный, был очень далек от понимания русской культуры; он знал лишь музыку Чайковского, что-то слышал о Пушкине, но русская история и русское искусство оставались для него книгой за семью печатями. Перед женою он оправдывался:

– Коко, ты напрасно надо мною подшучиваешь. Я все-таки генеральштеблер, и по этой причине знание рельефа русской равнины для меня более важно, нежели русская поэзия...

Елена-Констанция, как румынка, наоборот, высоко ценила русскую культуру и однажды, выбрав вечер, увлекла мужа в театр, где ставили «Трех сестер» Чехова:

– Посмотришь, как жили русские раньше – еще до того, как их обуяла бешеная страсть к коллективизации...

Из театра Паулюс возвращался сумрачный, о чем-то думал, потом вдруг сделал неожиданный вывод:

– Жизнь в Германии все-таки была лучше, нежели в этой России. Я, милая Коко, так и не понял, почему три сестры все время завывали со сцены: «В Москву, в Москву, в Москву...» Очень им хотелось в Москву, но так и не уехали. Наверное, и при царе это был закрытый город. А жизнь в Германии намного проще: захотел немец в Берлин – купил билет и поехал.

3. И даже зубные щетки

Вскоре Паулюс развеселил жену информацией, исходившей из близкого окружения фюрера. Почти сразу, как только Гитлер засел в рейхсканцелярии, на стол ему стали регулярно подкладывать вырезки из советских газет о производстве зубных щеток в СССР. Год за годом русские писали, что зубных щеток опять нет в продаже, а если они и появляются, то их щетина остается во рту советского гражданина, решившего раз в неделю почистить зубы. Когда же – спрашивалось в газете – наша передовая советская индустрия наладит производство и массовый выпуск зубных щеток, столь необходимых для культурного развития народа, закладывающего прочный фундамент социализма?..

Гитлер каждый раз оставался доволен:

– Вот еще убедительный пример слабости большевистской системы! Если эти кремлевские дикари несколько лет возьмется с зубными щетками, никак не наладив их массовое производство, то я полностью уверен в том, что они никогда не смогут наладить конвейерный выпуск танков...

Паулюс, отдыхая дома после служебного дня, редко включал радиоприемник, но однажды, случайно поймав московскую волну, он попросил графа Валентина Зубова переводить.

– Очередное хвастовство «железного наркома» Клина Ворошилова. Он опять заверяет мир, что Красная Армия никогда не отступала.

– Тем хуже для маршала, если его армия не умеет отступать, – изрек Паулюс. – Мастерство отхода перед противником – это альфа и омега тактики, и оно гораздо сложнее тактики наступления...

Ворошилов закончил речь, эфир заполнило – бодрое:

И с нами Ворошилов —
первый красный офицер,
готовы умереть мы
за эС-эС-эС-эР!

Зубов перевел текст песни, а Паулюс засмеялся:

– Странно, что они готовы умереть? За что? И за кого?

Валентин Платонович Зубов был создателем Музея истории искусств в Петрограде, который он оставил Зиновьеву и мадам Троцкой на разграбление, а сам бежал, ибо аристократов ожидала страшная участь в застенках ЧК. Сейчас он воспринял слова Паулюса на свой лад, заговорив о том, что не понимает, почему Сталин отказался подписать Женевскую конвенцию от 1929 года о военнопленных и обращении с ними. Ему было непонятно, почему Гитлер конвенцию подписал, а Сталин от нее отмахнулся:

– Сталин мотивировал свой отказ тем, что конвенция о пленных не отвечает духу социалистического государства.

Паулюс ответил, что, пока в мире существуют войны, до тех пор в мире будут и военнопленные, а Сталин не подписался под конвенцией совсем по иным причинам:

– Ворошилов уже не раз заявлял, что в случае войны Красная Армия будет только наступать, и обязательно на чужой территории, а красноармейцы в плен не сдаются...

Известно, что стратегия, как и тактика, никак не зависит от идеологических рецептов, а в СССР армию воспитывали на мысли, будто любое наступление – это «помощь страдающим братьям по классу», и стоит Красной Армии пересечь границу, как сразу во всем мире перед ней распахнут объятия «представители угнетенного пролетариата»... Может, и прав был Чер-

чилль, который говорил о Советской России, что это даже не страна, а некий секрет, завернутый в загадку и укрытый непроницаемой тайной...

* * *

Паулюс в разговоре с Зубовым мог бы добавить, что в берлинском здании гестапо уже имеются советские военнопленные, доставленные прямо из... Испании!

Война там была гражданская, но в нее вмешались Гитлер и Сталин, используя Испанию вместо полигона: под Мадридом и Гвадалахарой впервые скрестилось оружие – советское и немецкое. Нашим летчикам пришлось горько разочароваться в своих истребителях, а немцы выкатили на прямую наводку новейшее оружие XX века – противотанковую артиллерию, и Сталин в Кремле с большим недоверием разглядывал фотоснимки своих развороченных танков.

– Неужели мы начали отставать? – обеспокоился он, подозревая, что и тут не обошлось без «врагов народа»...

Настал 1937 год, и в Берлине нервно и «чутко реагировали на все репрессии, которые Сталин – раз за разом! – обрушивал на свою же армию. Среди немецких генералов иные недоумевали, даже не смея верить, другие откровенно радовались тому, что Сталин истребляет лучших полководцев и офицеров. Генеральный штаб возглавлял Людвиг фон Бек, генерал старой выучки, нелицеприятный и резкий; Бек почти откровенно презирал Гитлера, не допуская его вмешательства в дела вермахта. При встрече же с Паулюсом он начал разговор о Сталине:

– Неужели сами большевики не понимают, что к власти над страной пришел сумасшедший? Его хваленая армия никак не является шедевральной, офицерский корпус задавлен страхом... Я всегда привык отыскивать в истории аналогии, и знаете, с кем я могу сравнить этого усатого грузина?

– С кем?

– С персидским шахом Надиром, который даже своим сыновьям выколол глаза, подозревая в них изменников. Сталин был бы на своем месте, если бы лет триста назад управлял каким-либо маленьким ханством на Востоке, но... в Московском Кремле? Но во главе такой великой страны, как Россия!.. Не верится!

Наконец как удар грома отозвалось в Берлине известие о расстреле маршала Тухачевского, и Паулюс, узнав об этом, даже подумал, что Людвиг фон Бек в своих предположениях прав.

– Если Тухачевский и его коллеги, – рассуждал Паулюс, – осуждены Сталиным справедливо, то... Простите, что же это за армия, если вся ее верхушка состоит из предателей? А если Тухачевский и его коллеги осуждены Сталиным несправедливо, то... Простите, что же это за государство, в котором один человек обладает властью рубить головы генералам?

Его сомнения разрешила жена, подчеркнув в газете от 24 июня 1937 года статью под игривым названием: «Счастье и гибель Тухачевского». Паулюс был согласен с тем, что было там сказано:

«Расстреляв известнейших военачальников Советского Союза, сознательно пожертвовали в интересах политики боеспособностью и руководством Красной Армии. Тухачевский, бесспорно, был самым выдающимся из всех красных командиров, и его нельзя заменить... Мнимый шпионаж, конечно, был просто выдуман. Если большевики утверждают, что “обвиняемые признались во всем”, то это, конечно, ложь!»

– Все кончится плохо для России, – сказала Коко.

Вывод был справедливый, ибо вскоре авторитет СССР вдруг резко упал по всем миру, политики Европы, и правые, и левые, открыто говорили, что эту страну нельзя иметь в числе союзников, а мощь Красной Армии, не в меру расхваленной, попросту эфемерна. Никто в

Европе уже не верил Сталину и его приспешникам, которые, засев за стенами Кремля, словно в крепости, творили неслыханные зверства, а население страны превратили в своих рабов, понукаемых страхом и лозунгами, зовущими их в «светлое будущее».

Паулюс в эти дни как раз инспектировал панцер-дивизию Вальтера Рейхенау, и, конечно же, в офицерском казино было немало разговоров о репрессиях в России.

– У меня такое впечатление, – рассуждал Рейхенау, – что этот грузин решил помочь нам, немцам, в решении танковой проблемы. Ведь именно Тухачевский ратовал за развитие бронетанковых корпусов, а теперь в Кремле восторжествует угодное Сталину мнение его кавалеристов. Не знаю, как вы, Паулюс, а я и мои офицеры готовы Сталину аплодировать.

Молодой майор Виттерстейм толковал о том, что пишут сейчас газеты Франции и Чехословакии:

– По их данным, вопросы стратегии и тактики в Красной Армии исходят из понятий времен Гражданской войны и боев под Царицыном. Оснащение армии отвратительное. Нигде нет такой отсталой техники и вооружения, как у русских...

Этот разговор неожиданно завершился беседою с Францем Гальдером, ведавшим оперативными вопросами в генштабе (и, по слухам, он был не прочь занять место фон Бека).

– Сейчас, – сказал Гальдер, – из числа военных мыслителей в Москве осталось лишь два толковых генералъштеблера – это еще царские теоретики Шапошников и Свечин.

Борис Михайлович Шапошников был хорошо известен, его труды о развитии штабного мышления не раз переводились в Германии, Свечина знали хуже. А вот в Москве его таскали по тюрьмам, ибо мысли Свечина никак не совпадали с военной доктриной Ворошилова, благоухающей ароматом конюшен. Профессор Академии Генштаба Александр Свечин утверждал нечто крамольное: мол, боеспособность армии никак не зависит от идеологии правительства. Мало того, Свечин призывал укреплять дружбу с Финляндией, чтобы иметь в ней доброго союзника, и тогда сам по себе прикроется один из главных рубежей страны. «Случись же война, – предрекал Свечин, – и Ленинграду суждено испытать примерно такие же муки, какие испытал Севастополь в Крымской кампании...» Этого хватит! Александра Андреевича Свечина расстреляли как «врага народа»!

Был репрессирован даже легендарный маршал В. К. Блюхер, славе которого Сталин явно завидовал. Над народным героем палачи так издевались на допросах, что выбили ему глаз. Блюхер держал свой глаз на ладони, которую протягивал к следователям, спрашивая:

– Что же вы делаете? Люди вы или нелюди?

4. Генералы

– Все, что делает Сталин, – утверждал Гитлер, – все это принесет пользу нам. Красная Армия благодаря отеческим заботам о ней уже осталась без головы. У нее теперь целы только ноги, чтобы драпать до самого Урала.

Кейтель кивал одобрительно, но Йодль выражал сомнения:

– Война с Россией – это такая война, когда всегда знаешь, как начать ее, но никогда не будешь знать, чем она закончится. Любую войну с любой страной можно довести до победного конца. И только в войне с Россией нам не дано заранее увидеть ее финала...

Гитлер тоже не сидел без дела, устраняя тех генералов, которые мешали ему взять власть над вермахтом в свои руки. Только – в отличие от Сталина – он поступал гораздо изощреннее.

Рокировка генералов на шахматной доске вермахта была достаточно сложной, и Паулюс говорил Коко:

– Я вынужден следить за расстановкой главных фигур, чтобы самому не остаться пешкой, задвинутой в угол...

Гитлер уже начал сближаться с генералом Вильгельмом Кейтелем, которого в вермахте отчасти презирали, считая его выскочкой, называли «диспетчером дежурной бензоколонки», ибо Кейтель отличался любезностью, более схожей с лакейской услужливостью. Не так давно его сын женился на дочери фельдмаршала Вернера фон Бломберга от первого его брака. Но в январе 1938 года и сам Бломберг женился на молоденькой секретарше Эрике Грюн, причем шаферами на его свадьбе были сам фюрер и Герман Геринг... Казалось, что бы тут такого?

Но Бломберг мешал Гитлеру, ибо он не выносил Гимmlера, который свои войска СС возвышал над вермахтом. Не прошло и нескольких дней после свадьбы маршала с секретаршей, как однажды Паулюсу показали фотографию голой девицы в соблазнительной позе.

– Порнографией не увлекаюсь, – отвернулся Паулюс.

– Но это не просто ветреная девушка, решившая обнаженной позировать, а Эрика Грюн, ставшая на днях женой Бломберга. Как выяснилось, она провела юность в «массажном салоне» своей матушки, которая тоже состояла на учете полиции...

Вот за эту «ветреность» жены Бломберг и расплатился скорой отставкой. Вслед за тем фюрер взялся за генерала Фрича, помощника Бломберга, и Фрич был обвинен в педерастии, которая считалась «изменой государственным интересам», ибо люди этой породы лезут не туда, куда надо. Фрич доказал, что любая задница мужчины вызывает в нем только отвращение, но клеймо позора уже было наложено, почти несмываемое, и Фрич, злобно шипя, ушел в тень отставки, а его пост освободился для генералов, казавшихся Гитлеру более восприимчивыми к усвоению его национал-социалистских идей...

Паулюс не догадывался, что в это время возникло нечто вроде «заговора генералов», никак не согласных с агрессивной политикой фюрера. Людвиг фон Бек призывал удалиться в отставку генерала Вальтера фон Браухича:

– Разве не видите, что фюрер разевает рот шире своего желудка? Рано или поздно, но он втянет Германию в войну, выдержать которую немецкий народ не в состоянии.

Вальтер фон Браухич обещал подать в отставку. В это время он как раз разводился со старой женой, чтобы жениться на молоденькой Шарлотте, и Гитлер одобрил его брак с этой Шарлоттой.

– Но моя старая жена, фюрер, желает иметь «отступное».

– Понимаю. Я дам вам денег, – согласился Гитлер.

– А моя молодая Шарлотта желает иметь виллу.

– В чем дело? Будет, Браухич, и вилла...

После этого Браухич согласился занять пост командующего сухопутными силами, а фон Беку он заявил, что с фюрером порывать не собирается, ибо все страхи Бека излишни:

– Наш фюрер не такой парень, чтобы допустить войну на два фронта, а Сталину не до Германии, ибо он сам не знает, как разобратся со своими маршалами...

Паулюс, пронаблюдав за расправой над Бломбергом и Фричем, за тем, как одни падают, другие возвышаются, сказал жене:

– Сейчас следует ожидать и взлета Гальдера... Думаю, что Бека фюрер все же не тронет, ибо репутация этого человека безупречна, и к нему Гитлер не подыщет отмычек.

Коко волновало другое – верно ли говорят, будто вскоре начнется война более страшная, нежели при кайзере?

– Вряд ли, – отвечал Паулюс. – Германия к войне не готова. Как можно воевать, если даже в бензобаки такси заливают лишь половину бензина, разбавляя его спиртом или бензолом. Нет, на войну без горючего фюрер никогда не решится.

Он знал и другое: нехватку стали Германия покрывала за счет импорта из Швеции, а в холодильниках рейха заморожены лишь 750 000 свиных туш – разделили их на всех, и один из дней немцы поедят суп с мясом, а что потом?

– Наконец, – добавил Паулюс, – ты, милая Коко, живешь в достатке, не зная, что такое нормированные продукты или товары... Успокойся, в ближайшее время войны не будет.

Сталин в это время сокращал военные поставки в Испанию, а Гитлер, напротив, их увеличивал, укрепляя режим Франсиско Франко, в котором видел на будущее приятного союзника. Адмирал Канарис подозрительно зачастил в Эстонию, завел в Ревеле дружбу с военными, и эстонцы теперь поставляли в абвер секретную информацию об СССР. В марте 1938 года состоялся аншлюс Австрии, отчего Германия сразу усилилась, уже начиналась подготовка к аннексии Чехословакии...

Было ясно, куда идет Гитлер и куда он тащит за собой вермахт, потому среди генералов и возник «заговор», о котором сохранилась легенда, будто сам Франц Гальдер брался застрелить фюрера в его кабинете рейхсканцелярии. Генералы, пережившие поражение в прошлой войне, не хотели второго «Версаля», они предвидели, что рано или поздно неизбежен конфликт с Востоком, а какова бы ни была Россия сейчас – верхом на лошади или верхом на танке, – в любом случае эта гигантская держава всегда останется опаснейшим противником в войне с Германией. Конечно, при этом вспоминался не только завет Бисмарка, но и поучения Клаузевица, считавшего, что Россия всегда останется непобедима, а любая армия, даже самая совершенная, растворится, как пыль, в ее роковых и необозримых просторах... Узнав о недовольстве среди генералов, Гитлер пребывал в ярости. Но из многих генералов-заговорщиков только один фон Бек открыто выразил Гитлеру свое несогласие с его политикой, которая очень дорого обойдется всем немцам. Предупреждая Гитлера, чтобы не лез в Чехословакию, фон Бек подал в отставку. «Солдатское повиновение кончается там, – писал он, – где существует сознание и где есть совесть честного человека и моральная ответственность...»

С такими словами фон Бек и удалился!

На его место – место начальника генерального штаба – сразу же был назначен Франц Гальдер, желавший стрелять в Гитлера, а Паулюс в одну из ночей – по секрету – нашептал любимой жене:

– Ты догадываешься, как мне трудно сохранить свою честь на этой псарне, где все грызутся... Видишь, как все просто! Несчастный фон Бломберг, когда вел под венец свою секретаршу, разве мог подумать, что порнографические открытки с ее изображением уже давно лежат в кармане у фюрера, который сам и благословил свадьбу! Но теперь, после всех манипуляций с генералами, Гитлер обрел власть над вермахтом, а его верный Кейтель топчется подле него, превратившись в Лакейтеля...

Кейтель стал начальником штаба верховного главнокомандования, а подле него выдвигался и генерал Йодль, который с Гитлером мирился. Схожие между собой, как близнецы-снаряды единого калибра, порожденные из одной матери-пушки, Кейтель с Йодлем были столь неразлучны, что даже на эшафоте в Нюрнберге их объединяла одна веревка... Гитлер спрашивал их, каков ожидается результат, если за Польшу вступится Англия с Францией? Генералы угодливо отвечали, что возня с поляками не займет много времени:

– После чего наш вермахт развалит и всю Европу...

Гитлеру снова подсунули информацию о производстве зубных щеток в стране победившего социализма.

– Вот! – воскликнул он радостно. – Это ли не доказывает крах сталинских пятилеток? Бедные русские, – нес Гитлер, – которым даже нечем зубы почистить...

* * *

Тогда же японцы решили «прошупать» прочность дальневосточных рубежей СССР, и возле озера Хасан завязались бои. Наши войска изгнали самураев, и 11 августа 1938 года японский посол Сигэмицу предложил в Москве мирные переговоры.

Но ситуация была странная. Все тихо и мирно.

Вдруг – ни с того ни с сего – напали!

Можно догадываться, что в случае первого успеха японцы, наверное, развернули бы мощное наступление в глубину Сибири и началась бы самая настоящая война – до Байкала! Советская сторона официально признала 236 человек погибшими, а 26 бойцов получили высокое звание Героя Советского Союза.

Что-то плохо мне верится в первую цифру, ибо в этом случае на каждых десять убитых приходилось по одному герою...¹

Но дело не в этом – в другом. Время, словно рентгеном, безжалостно просветило забытые страницы битвы у озера Хасан, и наружу вдруг выступили те самые язвы, о которых при Сталине предпочитали умалчивать...

Тридцать седьмой год, будь он проклят, уже сказывался на состоянии наших войск. Вот что писал С. Шаронов, участник тех событий: «Дивизию обезглавили *полностью*: арестовали комдива Васенцова, комиссара Руденко, начштаба Шталя, начальника артиллерии, начмеда и его жену... Мы, рядовые бойцы, даже не знали – *кому верить?*» В штабах царил неразбериха, люди не доверяли один другому, в каждом приказе слышали голос «врагов народа». Связь работала безобразно, иногда открывали огонь по своим же людям и танкам. Бинокли офицеров были на сорок процентов негодны, при любой панике бойцы бросали противогазы, винтовки и пулеметы...

Так было, читатель, и не стоит стыдливо зажмуриваться!

Это еще не все. Дополню. На передовую слали новые полки. Но они прибывали на позицию, имея *холостые* патроны и *деревянные* макеты гранат (калабашки), с боевыми же гранатами умели обращаться даже не все офицеры, и часто после боя поле было усеяно *невзорвавшимися* гранатами. Оказывается, бойцов не всегда учили, как вырвать чеку перед броском. Виноваты ли в этом люди? Нет. В свое оправдание они говорили, что ради экономии (?) их учили бросать что придется, а боевых гранат многие и не видели.

– Чем же вы занимались в своей части? – спрашивали их.

---

¹ Сомнения автора понятны – число погибших, по статистике тех лет, действительно оказалось заниженным. (Здесь и далее примеч. А. Пикуль.)

– Мы-то? А мы сено в колхозах на зиму заготавливали, овощи собирали на полях. Иной час дровишки на зиму кололи. А бывало и так, что нас всех строем сгоняли лекции слушать! Иногда нам кино показывали.

Такова была подготовка бойцов в те времена огульного хвостовства, когда «железный нарком» Ворошилов бахвалился перед всем миром о непобедимости Красной Армии...

Думаете – в Берлине не знали о том, что было на берегах озера Хасан? Все знали, и любая мелочь учитывалась на будущее, а подробности боев немцы тщательно анализировали. Гальдер в беседе с офицерами генерального штаба говорил:

– Россия при сталинском режиме – это даже не страна, а большущий мыльный пузырь, слегка бронированный снаружи. Ткни его пальцем – и он сразу лопнет, обнажив свою пустоту. Недаром же, чтобы прикрыть свое убожество, Москва так любит щеголять всяческими рекордами. Выше всех, дальше всех и... часто, пожалуй, глупее всех. Не хотел бы я быть русским в эту эпоху, столь гибельную для России. Наверное, наш фюрер прав, что следит за производством зубных щеток...

* * *

«В Москву, в Москву, в Москву», – тосковали сестры в пьесе Чехова. А Паулюса тогда больше всего привлекало кафе «Комик», где в роли конферансье подвизался отважный Вернер Финк; он выходил к рампе, вскидывая руку в нацистском приветствии:

– Хайль! – Но руки не опускал, объясняя: – Вот на какую высоту умела прыгать моя любимая собака... Кстати, сегодня я что-то не вижу среди публики этого парня с челкой, который не признает мясной пищи. Ах, опять я забыл, как его зовут... Может, кто из вас и подскажет мне его имя?

Паулюс навещал кафе «Комик» совсем не потому, что состоял в оппозиции к Гитлеру, – нет, ему просто иногда хотелось от души посмеяться и послушать от Финка свежие анекдоты о видных членах нацистской партии, и, как беспартийный, он мог себе это позволить – без ущерба для своей карьеры.

Карьера же складывалась удачно! Паулюсу хорошо жилось и при нацистском режиме. Победные почести, денежные дотации, поклонение толпы, обезумевшей от восторга, грохот танковых гусениц и солдатских сапог на маршах – все это невольно взбадривало, все это увлекало его вперед. (Много позже, оправдывая себя, Паулюс говорил Вальтеру Ульбрихту: «Прошу понять, что Гитлер дал нам, генералам, все, в чем мы нуждались. Он поставил политическую цель – завоевание жизненного пространства, он дал нам отличное оружие, и он сумел привлечь к себе весь народ ради осуществления этих целей...»)

Может быть, именно поэтому Паулюс никогда не вызывал у Гитлера никаких подозрений в смысле его лояльности.

Сколько было фрондирующих против нацизма, сколько офицеров замышляло заговоры против фюрера, и никто из диссидентов – вплоть до 1942 года – даже не подумал привлечь Фридриха Паулюса в ряды оппозиции. Очевидно, сам Всевышний велел ему пройти через горнило Сталинградской битвы, чтобы он осознал: Германия – это не Гитлер, а Гитлер – это еще не Германия, и эти два понятия не следует совмещать.

Но сейчас для него осталось самое главное:

– Танки – вперед! Panzer – marsch!

Начинался 1939 год – поворотный, решающий...

1 января Фридрих-Вильгельм Паулюс, сын тюремного счетовода, получил чин генерал-майора генерального штаба.

По этому случаю он выпил... с Кейтелем!

Отцовский завет остался памятен: лучше пусть не будет друзей, только бы не было и врагов. Хайль!

5. Напряжение

Сыновья уже вышли в офицеры, изредка появлялись в доме в форме танкистов (короткие черные кителя, на головах черные пилотки). Но любимицей Паулюса всегда оставалась дочь Ольга, ставшая женой барона Альфреда Кутченбаха², который носил мундир эсэсовца (тоже черный).

В звании зондерфюрера СС барон появился в доме Паулюсов, привлеченный не только матримониальными планами, но и русскими эмигрантами, с которыми был давно связан. Один из его предков еще при Николае I торговал сыром в Тифлисе, а сам барон делал карьеру военного переводчика с русского языка. Череп и кости в эмблеме его фуражки никого в семье Паулюсов не пугали, ибо звание зондерфюрера СС присваивалось тогда в Германии многим профессорам, врачам, даже кинорежиссерам (от этой чести не смел отказаться даже знаменитый писатель Ханс Фаллада).

На правах зятя Кутченбах был откровенен с Паулюсом, однажды признавшись, что боится, как бы его не послали в Россию:

– Легко догадаться, с какими целями! Вы, наверное, слышали, что русские недавно провели аресты наших агентов в Кузбассе, Баку и Челябинске, а сейчас, по слухам, фюрер сильно заинтригован танковым производством в Сталинграде. Меня тоже готовили не для того, чтобы я читал Достоевского в подлиннике...

Очевидно, Альфред Кутченбах обладал какой-то информацией по ведомству Риббентропа, и весной он намекнул, что сейчас возникает дипломатическое напряжение между Москвою и Хельсинки. Сталин как будто решил покорить Финляндию, а Шапошников, будучи начальником Генштаба, возражает Сталину.

– Смелый человек! – заметил Паулюс.

– Да. Сталин к нему прислушивается, единственного называя по имени-отчеству, а не «товарищем». Мало того, он простер свое внимание к Шапошникову вплоть до того, что позволяет курить ему в своем кабинете, когда вздумается...

Сталин давно подумывал приобщить финнов к миру социализма, а Гитлер решил покорить Литву: вермахт получил приказ о захвате Мемеля (Клайпеды), чтобы затем присоединить к Германии всю Прибалтику. Литве был предъявлен ультиматум – чтобы отвела свои войска и полицию от побережья, а Гитлер, страдая морской болезнью и вволю наблевавшись, прибыл в Мемель на крейсере «Дойчланд» уже как хозяин, и Литва с этого времени вошла в сферу германских интересов.

Альфред Кутченбах сообщил Паулюсу:

– Сейчас следует ожидать известий с Дальнего Востока...

Верно! Отброшенные от озера Хасан, японцы вдруг открыли фронт в Монголии – на реке Халхин-Гол, и здесь они получили столь мощный удар, что их 6-я армия была окружена и разгромлена полностью. Действия на Халхин-Голе никак не были схожи с топтанием на месте у озера Хасан, а советскими войсками командовал неизвестный еще тогда Жуков... Это имя ничего не говорило обитателям германского генштаба:

– На всякий случай, кажется, пора заводить на этого человека особое досье, как на человека способного.

Между тем Франц Гальдер пребывал в миноре, чем-то озабоченный, и – человек резкий! – однажды при встрече с Паулюсом как бы вскользь обмолвился:

– Кажется, наш фюрер начинает зарываться...

² В разных источниках фамилия Кутченбах пишется по-разному.

Паулюс, верный своим принципам не вмешиваться в политику, только пожал плечами. В дневнике Франца Гальдера появилась красноречивая запись, свидетельствующая о том, что он умел многое предвидеть: «Трудно поверить в пакт между англичанами и русскими, но это сейчас – единственное, что может *остановить Гитлера...*»

Гальдер не пророк, но он удачно напроорочил.

* * *

Между тем Гитлер от начала 1939 года повел себя несколько странно. 12 января во время приема в рейхсканцелярии дипломатического корпуса, аккредитованного в Берлине, фюрер, обходя шеренгу послов, посланников и доверенных, вдруг задержался подле московского полпреда и вдруг начал с ним беседовать, чего ранее никогда не делал. Это была сенсация, газеты всего мира задавались вопросом: что бы это могло значить? Наконец, 30 января, выступая по радио, Гитлер в своей речи ни разу не лягнул Сталина, ни разу не обляял Москву, он уже не метал в сторону России и привычные громы и молнии... Политики были встревожены!

Остановить Гитлера взялись англичане с французами – миссия союзников по волнам Балтики тихо подплывала к бывшему «парадизу Российской империи». Английскую делегацию возглавлял адмирал Драке, французскую – генерал Думенк, их окружала свита офицеров и чиновников от дипломатии, чтобы вовремя подсказывать Драксу и Думенку, что говорить в Москве, о чем большевиков спрашивать, что отвечать, споря...

И если бы, как предрекал Гальдер, возникла новая ось Лондон – Париж – Москва, в этом случае Гитлер не рискнул бы развязать войну. Но Сталину агрессивное поведение Гитлера импонировало больше, нежели неуверенная политика этих английских и французских гуманистов и демократов...

Переговоры с англо-французами Сталин поручил Ворошилову; к тому времени бывший наркоминдел Литвинов уже проживал под домашним арестом, а вот почему переговоры не вел новый нарком Молотов – этого я не знаю. Но странно, что Сталин сделал «дипломата» из своего друга Клина, человека полуграмотного, заносчивого, прифранченного с тем шиком, который был свойствен полковым писарям времен еще царской армии... Правда, Дракс и Думенк тоже не были дипломатами, и, может быть, именно по этой причине Сталин и приказал разговаривать с ними именно своему приятелю.

Англичане и французы хотели бы видеть СССР на своей стороне, чтобы воспетая в песнях «страна героев» не пожалела для них крови (как не пожалела ее Россия в 1914 году). На Западе уже знали, что следующей жертвой Гитлера, обреченной на заклятие, станет Польша, но говорить о ней англичане и французы остерегались, зная, что в Варшаве не слишком-то хорошо отзываются о Советской России. Но вот вопрос: если Гитлер пожелает напасть на Россию, то прежде всего он должен прокатиться на своих роликах через Польшу, – это ясно; а если Сталину пожелается участвовать во всеобщей войне против Германии, то ему тоже никак не миновать Польши, чтобы выйти к рубежам Германии. Наконец, если оставить Польшу в покое, а следовать напрямик на Восточную Пруссию, то Красной Армии придется пропахать гусеницами танков поля в странах Прибалтийских республик... Вот так и судачили за круглым столом, не желая касаться Польши, но все же касаясь, не желая тревожить Прибалтику, но все же тревожа ее, и тут Ворошилову подсунули записку – столь выразительную, что она достойна сохранения в анналах истории:

«Клим! К о б а сказал, чтобы ты сворачивал свою шарманку и – поскорее...»

Ворошилов понял, что Коба – Сосо Джугашвили знает что-то такое, что ему, Ворошилову, еще неизвестно, и потому он сразу же прервал переговоры. Сталину же просто мешало присутствие в Москве англо-французской делегации, ибо он получил телеграмму от Гитлера, который предупреждал: кризис в отношениях между Германией и Польшей назрел, есть угроза,

что в войну с поляками будет вовлечена и Россия, а потому он призывал Сталина к переговорам на самом высоком уровне, обещая прислать Иоахима Риббентропа, министра иностранных дел.

...В глубине души Сталин всегда восхищался Гитлером, и даже – об этом умалчивать нельзя! – он явно завидовал фюреру, в очень короткий срок достигшему такой небывалой власти.

– Вот молодец! – говорил о нем Сталин. – Всех скрутил в бараний рог, а немцы молиться на него готовы. Только почему у него в концлагерях так мало народу? Всего каких-то полмиллиона... для удержания власти этого мало!

Еще в 1933 году он пытался установить с Гитлером тайные контакты, но союз между ними не состоялся по той причине, что контакта не желал сам Гитлер, называвший Сталина... Чингисханом! Но Сталин по-прежнему считал, что с Гитлером надо не бороться, а находить с ним точки соприкосновения, так что задачи немецкой дипломатии были облегчены. Может быть, зная о симпатиях к нему Сталина, фюрер спокойно взирал на то, как немецкие коммунисты бегут в СССР, где их сразу же ставили к стенке как «троцкистов», «фашистов» или «шпионов».

А вот слова Гитлера, сказанные им однажды:

– Сталин, безусловно, заслуживает нашего уважения, так как в своем роде он попросту гениальный парень...

Итак, все было готово, и московский аэродром украсился флагами со свастикой. 23 августа грузно приземлились два мощных «Фокке-Вульф-200»; Риббентрона встречали согласно общепринятому протоколу, а он, выходя на трап самолета, сказал по-русски:

– Господи, даже не верится... опять я в России!

Проезжая по улицам Москвы вместе с Молотовым (они учились когда-то в одной петербургской гимназии), Риббентроп спросил, как поживает предмет их общего юношеского увлечения. Молотов понял, что Риббентроп спрашивает об Анне Ахматовой, и он ответил, что она... жива. Живет и работает!

– Ты уж, Вячеслав, – дружески просил Риббентроп, – сделай так, чтобы ее ваши держиморды не обижали...

Может, не случись такой беседы, и гибель талантливой поэтессы была бы приближена, а Риббентроп невольно «спас» ее от неизбежной расправы. Сталин принимал Риббентропа очень радушно, о чем впоследствии Риббентроп рассказывал: «Я чувствовал себя в Кремле словно в кругу своих старых партийных товарищей...»

Между гитлеровской Германией и сталинской Россией был заключен договор о ненападении сроком на десять лет, скрепленный подписями Риббентропа и Молотова, повторяю, еще когда-то в юности обоюдно влюбленных в талант Анны Ахматовой... Вот после этого, читатель, и говори, что история – наука скучная!

Финал этой встречи в Кремле известен.

Сталин поднял бокал с вином – за здоровье Гитлера.

– Я знаю, – сказал он, – как немецкий народ обожает своего вождя! Так выпьем за здоровье Гитлера...

Теперь, после подписания договора, Гитлер мог не бояться, что СССР откроет второй фронт, вступаясь за поляков вместе с Англией и Францией; теперь Гитлер мог не пересчитывать свиные туши в государственных холодильниках, немецким шоферам отныне не надо было разбавлять бензин чистым спиртом, – Сталин, согласно договоренности, сразу начал снабжать Германию сырьем, горючим, ценными металлами, мясом и хлебом. Любая антифашистская пропаганда в СССР была запрещена...

Конечно, такой «успех» следовало отметить хорошей выпивкой! У себя на даче, в Кунцево, Сталин устроил вечеринку. Подвыпив, «вождь народов» выразительно глянул на Калинина, и «всенародный староста», тряся козлиной бородкой, прошелся перед ним вприсядку;

Сталин мигнул потом Микояну – и тот, воспрянув от стола с закусками, охотно сплясал для него лезгинку.

Ах, если б я это выдумал! Увы... сохранились очевидцы, засвидетельствовавшие эту отвратительную картину, при изображении которой вспоминается Иван Грозный с его опричниками...

* * *

По улицам Берлина, в сиянии ламп и витрин, бесконечным потоком, постанывая сиренами и квакая клаксонами, катили «бенцы», «хорьхи», «опели», «испаносуизы», «фиаты» и «форды». Среди прохожих было немало военных, державшихся свысока, и немецкая публика, приученная обожать свой вермахт, легко определяла войсковую принадлежность: белый кант – пехота, красный – артиллерия, голубой – авиация, желтый – связисты. Возле газетных киосков выстраивались длинные очереди. Немцы торопливо разворачивали громадные (метр на метр) листы «Фелькишер беобахтер», официоза нацистской партии.

– А все-таки фюрер гениальный ловкач! – восклицали читатели. – Мигом договорился с Москвою...

В германской политике началась полоса фальшивого «ухаживания» за СССР, как за очень богатой невестой с отличным приданым, но зато с очень скверным характером. Немцы веселее стали взирать на жизнь, рестораны и пивные-бирштубе заполняла оживленная публика, рассуждая:

– Гениально... даже не верится! Украина давно лопается от избытка сала, теперь-то подкормимся. Спрашивается, зачем воевать с русскими, если они согласны торговать с нами?

Немцы читали в газетах о великих преимуществах колхозной системы, о «солнце сталинской конституции», о передовом стахановском движении на производстве. Желая окончательно задурманить мозги, Геббельс указывал, чтобы нацистские газеты выходили под девизом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Выезжая по воскресеньям за город, немцы дружно распевали советские песни:

Все выше, и выше, и выше
стремим мы полет наших крыл,
и в каждом пропеллере дышит...

Генерал-майор Эрнст Кёстринг, военный атташе при германском посольстве в Москве, навестив Берлин, привез патефонные пластинки с новыми советскими маршами. Отыскивая нужную, он, между прочим, делился впечатлениями о первомайской демонстрации на Красной площади, явившей сказочное изобилие народов СССР:

– Мимо трибуны Мавзолея проволокли громадный бюст Ленина, слепленный из шоколада. Дюжина спортсменов-тяжеловесов вызвала смех Сталина, когда они показали ему колбасу длиною в трамвай. Комсомолки в трусиках несли на себе гигантский флакон одеколона «Красная Москва»... Нашел, вот послушайте:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведет...

У Кёстринга собрались как раз танковые генералы. Гудериан, Гот и Гёпнер, с деловитым вниманием прослушав, сказали:

– У них разве есть первый маршал? – усмехнулся Гот.

– Ворошилов, уповающий на лошадей и тачанки.

Было смешно, а Гот не удержался от вопроса:

– Кёстринг, какова скорость их танка БТ-7?

– Шестьдесят два километра в час. Это на гусеницах, – пояснил атташе. – И восемьдесят с чем-то на катках.

– Надеюсь, по гладкому шоссе? – спросили его.

– Нет, даже на грунтовых дорогах. Вы же знаете, господа, что большевики не слишком-то озабочены созданием дорог.

– Какова же броня?

– Только противопульная.

– Быстроходные самовары, – злобно фыркнул Гудериан...

Паулюса на этом вечере не было, с ним давно хотел повидаться фельдмаршал Эрвин Вицлебен, которого генерал-майор застал в состоянии нервной депрессии, почти озлобленным.

– Я всегда очень низко котировал политический курс нашего фюрера. Но теперь я никогда не прощу ему, что он заключил этот дурацкий пакт с большевиками.

Ненавдя Гитлера, фельдмаршал одинаково презирал и сталинское государство. В их беседе участвовал молодой полковник Мартин Латтман, очень близкий семье Вицлебена, и он, человек опытный, поспешно накрыл телефон подушкой.

– Так будет спокойнее... гестапо все прослушивает. А я крайне удивлен, что попал в такую *реакционную* компанию.

Фельдмаршала эти слова Латтмана попросту взбесили.

– Молодой человек, – крикнул он, – попасть в компанию реакционеров – это еще не самый худший вариант в жизни!

– Стоит ли об этом? – примирительно сказал Паулюс.

Но Вицлебена было уже не остановить.

– Да, стоит! – закричал он на генерала. – Стоит, тем более что наш телефон накрыт подушкой... Разве вы, Паулюс, не допускаете мысли, что этот олух, – было понятно, о ком идет речь, – способен даже вовлечь нас в войну с Россией. Я не против, но кто спасет нас от поражения?

– Между нами договор о ненападении...

– Не смешите меня! – отвечал фельдмаршал. – Скоро фюрер снесет громадное яйцо, а мы должны будем кудахтать...

6. «Зиг хайль!»

Франц Гальдер, прощаясь с Паулюсом перед его отбытием в Лейпциг, сказал как нечто уже определенное:

– Фюрер все-таки решил сохранить в СССР колхозную систему, а не раздавать землю крестьянам, так как у частного труднее выбрать продукты, а колхозы при Сталине уже давно приучены к тому, чтобы их грабили подчистую... Так что ни вермахт, ни весь народ впредь нуждаться не будут!

«Но сначала, – домыслил Паулюс, – П о л ь ш а...»

Перед отъездом в Лейпциг он был исполнен чувства воинского долга, но дома ему пришлось пережить неприятный момент. Конечно, жена догадывалась, ради чего он едет и что втайне готовится, а потому Елена-Констанция, аристократка до мозга костей, чересчур резко осудила и Гитлера, и весь вермахт, не пожалела она слов и для осуждения мужа:

– Война с Польшей, которую вы начинаете, – это чудовищная несправедливость. Поляки и так бедные люди, им всегда не везло, а вы собираетесь усугублять их страдания.

– Опомнись, Коко, о чем ты?

– Это вам надо опомниться. Если в семье муж и сыновья походили с ума, то мне, матери и женщине, сам великий Господь указал хранить свой разум в истинной святости...

С этим Паулюс и отъезжал. Ему предстояло быть начальником штаба 16-й танковой дивизии, которой командовал Вальтер фон Рейхенау и которая в Лейпциге заканчивала свое формирование. Именно эта дивизия – вот она, судьба! – стала ядром для образования 6-й армии, которой суждено сложить свои кости на площади Павших борцов в Сталинграде. Впрочем, тогда никакой астролог не мог бы предугадать ее будущего, и Паулюс, прибыв в Лейпциг, сначала установил деловой контакт с Рейхенау, служить при котором не мог ни один генеральш-теблер, все давно разбежались, как мыши при виде кота.

– Что вы хотите? – миролюбиво сказал Рейхенау. – В моих служебных формулярах четко записано, что я, спортсмен и пьяница, обладаю «нетрадиционным» характером. Я только не кусаюсь, но способен дать коленом под зад даже фюреру...

Рейхенау, кастовый офицер прусского происхождения, был, бесспорно, чертовски талантлив как водитель танковых колонн, но карьеру он сделал еще в 1933 году, сразу и бесповоротно примкнув к Гитлеру, и – так рассказывали! – его дерзости побаивался сам фюрер. Но Паулюс, будучи покладист, ладил и с этим легкоатлетическим чудовищем: Рейхенау с утра делал пробежку, метал ядро или копье, забивал мячи в футбольные ворота, а Паулюс как проклятый сидел в штабе, взбадривая себя кофе и сигаретами, писал, переписывал, дописывал, вычеркивал, сокращал, уточнял, а вечером, пока Рейхенау еще не напился, он приносил ему на подпись бумаги, и Рейхенау, сверкая моноклем, говорил ему:

– Дай-ка гляну, что я там намудрил...

Где бы ни служил Паулюс, он нигде не заводил себе любимцев, никого из коллег не отличая, но в 6-й армии он явно симпатизировал адъютант-капитану танковых войск Альфреду фон Виттерсгейму, и тот, ощутив приязнь начальника штаба, иногда откровенно подтрунивал над Паулюсом:

– Вы в роли Гнейзенау при маршале Блюхере.

– А вот это не ваше дело, фон Виттерсгейм... Лучше быть Гнейзенау, чтобы таскать на веревке маршала Блюхера!

– Яволь! Мне все понятно, господин генерал...

1 сентября ударом небывалой силы Гитлер обрушился на несчастную Польшу. Никто в мире не мог предвидеть, какой силой обладает германский вермахт, который буквально размял под гусеницами польские гарнизоны. Европейцы по сводкам газет знакомились с неиз-

вестными ранее именами: Клюге, Гот, Рундштедт, Клейст, Хубе, Гёпнер, Рейхенау и, наконец, Роммель. Паулюс занял место в штабном танке с рацией, невольно щелкая зубами, как волк, когда машину бросало наверх и тут же свергало вниз. Через полоску триплекса он разглядывал, как фланирует вдаль польская кавалерия, как ползут допотопные танки поляков. Паулюс приник к микрофону:

– Рейхенау, я – штаб. Цель. Справа. Видите?

И в ответ дребезжали мембраны шлемофона:

– Я – команда, Рейхенау. Цель. Вижу, старье! «Виккерс» и «Карден-Ллойд». Мне смешно. Из какого сарая варшавские зазнайки вытащили эти старые консервные банки?

Рейхенау, даже не стреляя, просто раскатал в блин, как на блюминге, весь этот железный и ржавый хлам времен «санации» пана Пилсудского и велел увеличить скорость. По крупновской броне звонко стучали клинки отважных варшавских жолнёров, об эту же броню ломались пики польской кавалерии. Под гусеницами танков погибло все живое. «Panzer – marsch!» – громыхало в наушниках шлемофонов... Под Варшавой их навестил Гитлер, очень довольный успехами танкистов, а Паулюс не стал выделять себя, докладывая фюреру:

– В этот момент Рейхенау подал прекрасную мысль... Рейхенау счел возможным... Рейхенау исправил положение тем, что... Рейхенау совершил невозможное...

Говоря так, Паулюс невольно вспомнил своего бедного отца с его афоризмом: «Лучше пусть не будет друзей, только бы не было врагов...» Гитлер ласково оттягал Рейхенау за ухо, что заменяло жест сердечного поцелуя:

– Молодец, Рейхенау! Я чувствую, что вашу бесподобную Шестую армию впереди ожидают великие дела...

В офицерском казино Рейхенау предложил выпить.

– Господа, – сказал он офицерам. – Напомню старую историю. После битвы при Ватерлоо великий Блюхер был однажды в обществе, где устроили игру в шарады. Был задан вопрос: кто из присутствующих способен поцеловать себя в голову? Дамы пытались целовать свое отражение в зеркалах, но это был не ответ на вопрос. Вдруг поднялся Блюхер и сказал, что способен расцеловать свою голову. С этими словами он поцеловал голову Гнейзенау, своего начальника штаба: «Вот моя голова!» – сказал Блюхер. – И при этом Рейхенау поцеловал Паулюса...

Все было понятно, а объяснять не следует.

Рейхенау – да! – повезло, зато не повезло Гудериану.

Мощным рывком от Кенигсберга его танковый корпус возник на подступах к Бресту: город немцы взяли с налету, а крепость не сдавалась. Ее гарнизоном командовал генерал Константин Плисовский – бывший офицер царской армии. Наши историки, воспевая героическую оборону Брестской крепости в 1941 году, старательно умалчивали, что такой же героизм был присущ и полякам в 1939 году. Гудериан, образно говоря, разбил себе лоб о нерасторжимые ворота крепости, но поляки сдаваться не собирались. Три дня вокруг фортов громыхало сражение, да такое, что все горожане попрятались в подвалах, а над Брестом ветер раскручивал языки пламени. Штурм за штурмом – нет, не сдаются, а горы трупов немцев растут. Гудериан откатился назад и вызвал авиацию. Бомбы рвались, танки – вперед, из пушек – прямой наводкой. Сбили ворота, ворвались в крепость, а в ней – ни души: Плисовский ночью обманул Гудериана и тишком вывел гарнизон так, что немцы даже не заметили его отхода...

Это случилось в ночь на 16 сентября, а через день к микрофону московского радиовещания подошел Молотов...

* * *

Молотов! Так уж случилось, читатель, что пятый класс школы – последний в моей жизни – я заканчивал в городе Молотовске (ныне Северодвинск) и хорошо помню школьные учеб-

ники того времени по географии. На картах серым цветом были залиты многие страны Европы, а поверх краски было оттиснуто: «Область государственных интересов Германии». Помню, что вместе с папой я был на какой-то лекции, и лектор политпросвещения почти упоенно восхвалял гитлеровскую машину Германии, но при этом не забывал издеваться над англичанами и французами...

Итак, 17 сентября 1939 года Молотов по радио заявил о полной «несостоятельности» Польского государства, возвещая ему конец. Ни Англия, ни Франция не пришли на выручку полякам, а с востока в Польшу были введены советские войска, и бывшая великая Речь Посполитая оказалась в тисках: с запада – немцы, с востока – русские.

Одна старая женщина из Белоруссии недавно рассказывала:

– Помню, как входили красные. Сначала летели самолеты с красными звездами, и мы даже радовались, что помогут. Потом ехали конники – много-много. А когда показалась армия, мы смеялись... что такое? Шинели длиннющие, некрасивые, такому чучелу даже в плен стыдно сдаваться. Ведь наши польские жолнеры были одеты с иголочки, любо-дорого посмотреть!

Московские газеты возвещали о «братской миссии» Красной Армии, освобождающей украинцев и белорусов для их окончательного воссоединения, но в сводках командования уже появилось слово «пленные». Если мы несли на знаменах освобождение от «панского ига», то, простите, откуда могли взяться пленные? Впрочем, польские офицеры, когда мы предлагали сложить оружие, зачастую тут же стрелялись. Они кончали с собой перед немцами, они убивали себя и перед советскими командирами. «Рука дружбы», протянутая Сталиным в Польшу, оказалась с острыми когтями хищника: сразу же покатались в Сибирь из Польши эшелоны арестованных, тысячи и тысячи семей были разлучены навсегда. Зачем это делалось? Или опять «враги народа»? Друзей мы не приобрели. А если врагов и не было, так они сразу появились...

22 сентября в поверженном Бресте состоялся парад.

Объединенный парад победителей – войск немецких и советских, дружно маршировавших перед трибуной, с которой их приветствовал генерал Гейнц Гудериан и комбриг С. М. Кривошеин. Оркестры гремели, над крышами домов с воем проносились немецкие «мессершмитты», а советские войска склоняли знамена, чувствуя колонну гитлеровских танков...

Этот совместный парад был вычеркнут из нашей истории! Но помнить о нем надо. Будем же знать, что после парада Гудериан дружески потчевал Кривошеина, сказав ему за выпивкой:

– Поляки – храбрецы, каких мало на белом свете. Второй раз штурмовать крепость Бреста я бы не мог... Ах, сколько тут поляки положили моих парней! Теперь из Берлина приехала целая миссия, каждый день вывозят трупы солдат в Германию...

Брест вошел в состав СССР, но в праздничные дни, 1 Мая или 7 Ноября, в Бресте создавалась трибуна – для почетных гостей, и немецкие генералы принимали парады нашего гарнизона. Советские войска уже вступили в Прибалтику, часть польских земель Сталин передал литовцам – вместе с древним городом Вильно, в котором тогда жили одни поляки, а литовцев было меньше одного процента, но литовцы сразу превратили его в свою столицу и назвали – Вильнюс. Вступив на территорию Прибалтики, войска вели себя тактично, ни во что не вмешиваясь: по приказу наркома Ворошилова от 25 октября им было запрещено общаться с жителями, они не имели права отвечать на вопросы о том, какова жизнь в Советском Союзе. Если красноармейцев и выводили в город, то обязательно в сопровождении политруков, которые следили за ними, а рядовые с удивлением озирали витрины магазинов, переполненные товарами, их шокировало, что на улицах все хорошо одеты, никто не падает с голоду, никто не молит о милостыне, нигде не видно трупов, о которых им всегда говорили.

– Гляди-ка, – перешептывались, – эвон сколько колбас на витрине сразу и никаких хвостов с улицы не тянется. Это как же понимать? Ведь они же капиталисты прогневившие... Да у нас в Сызрани покажи такое – враз бы набежали с кошелками!

Страшный сентябрь, определивший трагедию миллионов людей, этот сентябрь заканчивался, и московский аэропорт снова украсился знаменами со свастикой – столицу вновь посетил Риббентроп; Гитлер уже объявил о ликвидации Польского государства, теперь СССР и Германия становились соседями, имея общую границу, и требовалось определить демаркационную линию. На карте раздела польских земель расписались Сталин и Риббентроп, при этом Сталин подмигивал своим соратникам:

– Обдурил я Гитлера... провел его...

28 сентября между Германией и СССР был заключен пакт о дружбе, и Лаврентий Берия сразу же распорядился, чтобы в концлагерях охранники не вздумали оскорблять «врагов народа» кличками «фашист», ибо отныне все изменилось:

– Теперь слово «фашист» уже не может быть ругательным...

31 октября на сессии Верховного Совета Молотов указал советским людям, как правильно все понимать:

– Оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем Красной Армии, чтобы ничего не осталось от Польши, этого уродливого детища Версальского договора... Идеологию гитлеризма, – я цитирую Молотова, – можно признавать или отрицать. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за уничтожение гитлеризма, прикрываемая фальшивым флагом борьбы за демократию... Теперь Германия находится в положении государства, стремящегося к миру (!), тогда как Англия и Франция стоят против заключения мира (!)...

С ног все было переставлено на голову. Отныне – в глазах советских людей – Гитлер должен выглядеть миротворцем, а демократы Англии и Франции переходили в разряд «поджигателей войны». Сталину теперь казалось, что перед ним открыта дорога на Запад, а в Берлине исподтишка уже готовился поход на Восток.

...Я заканчиваю. 1 сентября 1939 года стало первым днем Второй мировой войны, и в этот же день в СССР был принят «Закон о всеобщей воинской обязанности». Сопоставьте эти события, и вы сразу почувствуете приторный запах пороха. Затем была ликвидирована трудовая пятидневка с семичасовым рабочим днем, рабочие и служащие потеряли право переходить с одной работы на другую. Шумели? Да еще как шумели:

– За что кровь проливали? За что боролись?

За что боролись, как говорится, на то и напоролись. Теперь стоило опоздать на работу хотя бы на пять-десять минут, и можно было закончить жизнь за колючей проволокой. Но Сталин, кажется, уже начал понимать, что мы опаздывали. Нас уже обгоняли. Советский Союз отстал, и никакие рекорды и никакие стахановцы не могли скрыть это всеобщее отставание...

* * *

Ничего для себя поучительного, кроме ужасов, Паулюс из польской кампании не вынес. Но из опыта боев были выделены два главных требования к насыщению вермахта: это полная моторизация, это устойчивая радиосвязь.

Паулюс вернулся в Берлин, устало сказав жене:

– Наши ролики крутились исправно. Правда, случались неувязки организационного порядка, но они легко устранимы в следующих кампаниях... скорее всего, во Франции.

– О, боже! – разрыдалась Коко.

В эти же дни Гитлер, будучи в хорошем настроении, решил поговорить с начальником генштаба – Францем Гальдером:

– Вам следует знать, что все захваченные польские земли отныне следует считать только удобным плацдармом для стратегического развертывания войск ради полного уничтожения

большевистской заразы. Но выступить против России мы сможем лишь тогда, когда у нас будут развязаны руки на Западе...

«Зиг хайль!» – ревели на улицах, и этот возглас означал: «Да здравствует победа!»

7. Ролики и колеса

Немецкая разведка работала хорошо, и на основании ее докладов Гитлер убежденно говорил, что Россия сейчас ослаблена, как никогда, изнутри политическими процессами, а ее армия имеет очень низкую боеспособность. Отчасти он прав. Постоянные репрессии выбили почти все командные кадры, дивизиями теперь командовали капитаны, иногда и ротные командиры. Известно по этому поводу мнение Семена Буденного:

– Не беда! За годик любого подучить можно.

– Верно, – поддерживал его нарком Ворошилов. – Кто командовал хоть взводом, тот может командовать и армией...

Стыдно сказать, что в Академии Генштаба перед войной еще читались лекции об устройстве зимних саней, слушателей знакомили с конной упряжкой, следовало знать назубок убогий инвентарь обозного имущества. Генерал И. М. Голушко вспоминал, что слушатели академии, заполняя аудитории перед началом лекций, с некоторой ехидцей спрашивали один другого:

– Какая у нас тема сегодня? Теория хомута и оглобли? Или станем подводить марксистскую базу под колесо у телеги?..

Все это было. К великому сожалению. «Моторизация» – на словах, а на деле – кобыла в упряжи. Между тем адептов верховой езды было немало, и Буденный открыто возвещал:

– А что? Лошадь да тачанка еще себя покажут...

Другой апостол лошадиной тактики, Ефим Щаденко, будучи замнаркома, подпевал кремлевской кавалерии в газете «Правда»: «Сталин, как великий стратег и организатор классовых битв, правильно оценил в свое время конницу, он коллективизировал ее, сделав массовой, и вместе с К. Е. Ворошиловым он вырастил лошадь на горе врагам пролетарской революции...»

Обо всем этом знали в Берлине, где «Правду» тоже почитывали, и в один из осенних слякотных дней Паулюс встретил Гудериана, который, будучи в праздничном настроении, завлек его в ближайшее кафе. С нажимом на слове «нас» он сказал:

– Н а с, танкистов вермахта, можно поздравить.

– С чем? – не понял его Паулюс.

Они заказали по чашке кофе с птифурами, Гудериан дымил очень дорогой сигаретой «Равенклу», Паулюс закурил сигарету «Аттика». Гудериан со смехом сказал, что слона можно учить бесконечно, но ловить зайцев он все равно не научится:

– Это относится к русскому генералу Кулику, любимцу Сталина, который служит чуть ли не главным специалистом по вооружению. Не так давно Кулик собрал всех кавалеристов, и они совместно постановили: **РАСФОРМИРОВАТЬ ТАНКОВЫЕ КОРПУСА.**

Было время нарастания танковой мощи, когда в мире уже вызревал вопрос не только о корпусах, но даже танковых армиях, а потому Паулюс даже не хотел верить в услышанное.

– У меня, – сказал он, – ваша информация с трудом укладывается в голове... абсурд! Или русские спятили?

Гудериан объяснил, в чем дело. После репрессий Сталина некий лейтенант Яркин, командир батальона, мигом обрел чин генерала и стал командовать танковым корпусом. Когда начался поход на Польшу, этот «герой» потерял управление корпусом, наделал массу глупостей, и Кулик принял решение:

– Если, мол, Яркин не мог справиться с корпусом, так и другие не могут. Потому, – заключил Гудериан, – танковые корпуса в Красной Армии уничтожили. По этому поводу закажем коньяку, чтобы отпраздновать нашу бескровную победу... Тем более, на улице такая дрянь, такая слякоть.

Они выпили, и, собираясь уходить, Гудериан медленно натягивал перчатки. Заранее поднял воротник шинели и склонился над Паулюсом, прошептав ему на ухо:

– Последняя информация. Только что получили... оттуда. Уровень боевой и особенно тактической подготовки советских генералов не превышает уровня знаний германского лейтенанта. Хайль Гитлер! – выкинул Гудериан руку, прощаясь.

– Хайль, – отозвался Паулюс, допивая кофе...

* * *

Франц Гальдер уже не раз выезжал в Финляндию, чтобы инспектировать оборонные сооружения знаменитой «линии Маннергейма».

Интуиция, на которую столь часто уповал Гитлер, не подвела его и на этот раз: Англия и Франция лишь 3 сентября очень неохотно, даже с какой-то ленцой объявили ему войну, но в Лондоне и Париже палец о палец не ударили, чтобы спасти от разгрома несчастную польскую армию. Началась война, которую называли «странной», и она, эта война без выстрелов, затянулась до самой весны следующего года. Возле Саарбрюккена французы вывесили над своими траншеями плакаты: «Мы в этой войне не выстрелим первыми!» Правда, над Лондоном по вечерам повисали аэростаты, небо над Парижем иногда пронзали лучи прожекторов, но все было спокойно, и немецкие солдаты – прямо с фронта – целыми эшелонами ездили по своим домам, чтобы целовать невест и жен, при этом и весело распевали:

Меня и все желанья,
войдя в земную глубь,
пробудит заклинанье
твоих влюбленных губ.
Труба играла нам отбой,
а я опять, опять с тобой,
Лили Марлен,
Лили Марлен...

Паулюс тоже не раз навещался в Берлин, оставляя Рейхенау лакать шампанское, играть в теннис и дуться в карты.

– Так воевать можно без конца, – говорил он жене. – Иногда я сравниваю бойню времен кайзера с этой войной и начинаю верить в гениальность нашего фюрера, который говорил, что если противники блефуют, то почему бы и ему не блефовать?

– Но все-таки война, Фриди, а я – жена. Жена и мать!

– Ах! – морщился в ответ Паулюс. – Ты бы хоть раз видела эту войну... На «линии Мажино» французы зазывают наших солдат «на чашечку кофе», а наши солдаты любезно приглашают французов «на кружку мюншенера». Кое-где даже играют в футбол – между собой. Так что ты, Коко, не волнуйся...

Между тем после польской кампании гитлеровцам опять повезло: Сталин объявил Финляндии войну, которую у нас много лет стыдливо именовали «зимней кампанией 1939/40 года» или скромнейше называли эту войну «зимним вооруженным конфликтом». Немцам же повезло по той причине, что, пристально наблюдая за боями на Карельском перешейке, они, по сути дела, ставили точный диагноз всем потаенным болезням, которые уже достаточно ослабили Красную Армию за годы глупого шапкозакидательства. Во-первых, немцы убедились, что русские тоже из костей и из мяса, а потому страдают от жестоких морозов, как и все люди на свете. Моторы танков не заводились, танкисты всю ночь подогревали их кострами, разведенными под днищами машин. Немецкие офицеры издавна служили в финской армии инструкторами, и потому их не удивляла маневренная подвижность лыжных батальонов, тогда как советские войска, увязая в сугробах, маневрировать не умели; Сталин надеялся расправиться

с финнами за две недели, но с первого же дня боев его дивизии попали в окружение и были разбиты, а жестокие приказы не помогали – армия топталась на месте. Весь финский народ сплотился в эти дни воедино, чтобы дать отпор сталинским претензиям.

Немецкие наблюдатели докладывали Францу Гальдеру:

– Русский солдат остается хорошим в любых условиях, удивительно стойким и выносливым, но советское командование ни к черту не годится. Москва обвиняет своих офицеров в измене и в трусости, но они просто не научены воевать...

Лишь в конце года советские войска с трудом подошли к «линии Маннергейма», но провать ее не могли. Сталин материл Ворошилова, а тот предлагал усилить репрессии: «Провести радикальную чистку корпусов, дивизий и полков. Вместо трусов и бездельников (сволочей тоже немало) выдвинуть... Кулика или Щаденко». Сталин понимал, что Кулик и Щаденко с их тачанками до Хельсинки никогда не доскачут, и послал Льва Захаровича Мехлиса, чтобы перестрелял негодных.

– Расстреливать, – велел он Мехлису, – приказываю перед строем личного состава, чтобы напугать всех...

Мехлис перестрелял так много невинных, что вызвал даже протест военной прокуратуры. Но армия с места не сдвинулась, замерзая по-прежнему, и тогда Сталин назначил командующим С.К. Тимошенко; подтянули свежие войска, бросили в прорыв танки, авиацию – и лишь в конце февраля Тимошенко, после длительной паузы, повел армию на штурм «линии Маннергейма».

– Он... бездарен, – говорил Гальдер о Тимошенко, издали наблюдая за его действиями. – Этот маршал способен бить только в лоб, не признавая маневра, и его пиррова победа будет стоить очень большой крови...

Так и случилось: неся колоссальные потери, войска Тимошенко наконец-то прорвали «линию Маннергейма»!

Англия и Франция очень хотели бы помочь Финляндии своими войсками, но 5 марта 1940 года Швеция заявила, что войска союзников через свои порты не пропустит, Стокгольм советовал финнам начать переговоры с Москвой. Война закончилась штурмом Выборга; за 105 военных дней наша армия потеряла около 300 000 человек, но... Что выиграл Сталин?

Н и ч е г о. Напротив, он проиграл: весь мир убедился в слабости его армии, коммунисты других стран не понимали, почему СССР оказался в роли агрессора, и наконец итог всей войны подвела Лига Наций – Советский Союз был исключен из числа ее членов как агрессивная держава. СССР оказался в политической изоляции. Но самое страшное, что война с Финляндией приблизила сроки нападения Германии.

– Русские совсем разучились воевать, – говорил Гитлер. – Наверное, они только и ждут, чтобы с ними разделались. Но сначала мы проучим зарвавшихся англичан и французов.

Сталин после войны пребывал в удрученном состоянии.

– Д у р а к! – честно и справедливо сказал он Ворошилову.

Климент Ефремович возражать не осмелился и вместе с Буденным парился в бане на своей даче, а пока они парились, генерал Ока Городовиков (тоже кавалерист) играл им на баяне самые популярные мелодии, чтобы наркомам не было скучно:

Ах, тачанка-ростовчанка,
наша гордость и краса,
пулеметная тачанка —
все четыре колеса...

Закончив играть, Ока Городовиков спросил Буденного:

– Семен, всех берут. Неужто и нас посадят?

Буденный утешил друга:

– Нас не коснется. Берут-то ведь только умных...

* * *

А здесь играли на губных гармошках:
По соседству от казармы
у больших ворот
столб стоит фонарный
уже не первый год.
Так приходи побыть вдвоем
со мной под этим фонарем,
Лили Марлен,
Лили Марлен...

Ранней весной все песни кончились заодно с этой очень «странной» войной: вермахт вдруг перешел в активное наступление, какого союзники не ожидали. Кажется, в Лондоне и Париже все еще надеялись, что Гитлер, блефуя перед ними, блефующими, развернет свои силы против России, но...

Кто бы мог тогда ожидать удар такой силы?

Паулюс с удовольствием выслушал признание Виттерсгейма:

– Если вы, генерал, по-прежнему останетесь начальником штаба в нашей Шестой армии, то Рейхенау, я думаю, снова предстоит целовать вашу голову вместо своей...

6-я армия Рейхенау уже считалась «элитарной» в вермахте, и Паулюс сам понимал, что авторитет этой армии следует поддерживать. Под траками гусениц была раздроблена свобода нейтральных Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии и Люксембурга. В канун удара по Франции немецкие самолеты забросали «линию Мажино» открытками с надписями: «Приятель, поверни ее против света, и ты сразу поумнеешь!» Глядя на открытку против солнца, французский солдат видел парижанку, спавшую с англичанином из британского корпуса, который Черчилль благоразумно расположил в тылу – позади фортов «линии Мажино». Такова была пропаганда Геббельса.

– Умейте плевать в открытую рану, – поучал он...

Генералам Франции казалось, что достаточно отсидеться под землей на «линии Мажино» – и победа придет сама по себе. Немцы так и оставили их сидеть в фортах, а германские танки обошли их стороною, нанеся удар во фланг, и через пять дней в Лондоне на квартире Черчилля раздался истерический звонок от Рейно, премьер-министра Франции.

Диалог между ними строился таким образом:

РЕЙНО. Мы разбиты вдребезги, война проиграна.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Но это невозможно... так быстро?

РЕЙНО. Немцы прорвали фронт, их танки идут лавиной, за ними движется с автоматами колоссальное количество пехоты... она у Гитлера вся мотомеханизирована!

ЧЕРЧИЛЛЬ. Послушайте, Рейно, надо как-то держаться.

РЕЙНО. Как держаться? Как, если их пехота слишком подвижна, ее силы не убывают. И пикирующих бомбардировщиков действие сокрушающее. Франция проиграла войну...

Английская экспедиционная армия спасалась в сторону моря. Рейхенау в горнолыжном костюме, как бравый чемпион, сидел поверх брони танка и солдатским тесаком резал на восемь кусков громадный торт-безе с цукатами. Хохотал:

– Сколько мы потешались над «ефрейтором», Паулюс, а ведь он всегда прав. Надо держаться этого чудака, который воротит морду от жирного шницеля с пивом. В конце концов, он недорого и обходится нации. Пожует травки, как зайчик, и – сыт! Зато мы уже отхватили пол-Европы и поперем дальше...

Гальдер вызвал к себе молодого цветущего полковника Адольфа Хойзингера, служившего по оперативным делам. Не акцентируя его внимания, он спросил:

– А что там с генералом Пуркаевым?

– Уже сидит на нашем крючке. Вряд ли сорвется, ибо страх перед Сталиным заставит его служить нам...

Генерал Пуркаев занимал в Берлине пост военного атташе – такой же пост, какой со стороны немецкого командования занимал в Москве генерал Эрнст Кёстринг.

8. Карьеры

Максим Алексеевич Пуркаев был еще сравнительно молод, революция застала его в чине прапорщика, крестьянский сын, он теперь выглядел природным интеллигентом, а пенсне как бы подчеркивало строгость его внешнего облика...

Немцы встретили военного атташе очень приветливо. Они приготовили для него в Берлине богато обставленную квартиру, в которой его уже поджидала прислуга – немка по имени Марта, женщина почти вызывающей красоты. Пуркаев просыпался, а Марта уже была на пороге спальни – с подносом, поверх которого дымилась чашка крепкого кофе, благоухали ароматные булочки.

Гитлер в аудиенции с атташе был крайне любезен.

Пуркаев не раз выезжал на маневры вермахта, от него, казалось, ничего не скрывают и – верно! – он побывал даже в Цоссене, где секретно размещался «мозг» всей армии Гитлера. Гальдер тоже принимал Пуркаева у себя, держался очень просто, почти дружелюбно. Но, далекий от дипломатии, Максим Алексеевич не распознал один тонкий намек Гальдера.

– Почему вы, – сказал Гальдер, – и при вашем уме, потенциальный начальник штаба фронта, занимаете всего лишь скромный пост военного атташе? Может, у вас недоброжелатели в Москве? Такое бывает с людьми талантливыми...

Чтобы не быть глухим и немым в общении с генеральштеблерами, Пуркаев обзавелся учительницей немецкого языка, старательно, как школяр, зубрил всякие там плюсквамперфекты.

В один из дней на его квартире зазвонил телефон:

– Вас, господин Пуркаев, беспокоят из Цоссена, не могли бы вы уделить время для визита нашего офицера?

Явился некто и с первых же слов предложил Пуркаеву работать на разведку абвера, причем немцы не крохоборствовали, обещая создать для атташе сладкую жизнь:

– Включая в меню и... Марту! Вы же не станете отрицать, что такие женщины на панелях не валяются. В случае же отказа мы всегда сумеем подобрать досье, порочащее вас, и тогда расправа Сталина будет короткой. Не забывайте, что ваша семья осталась в Москве.

Пуркаев встал, чтобы вышвырнуть гостя из квартиры, но тот веером раскрыл на столе серию фотографий:

– Это вы, а это... Марта! Станете рыпаться, и через два дня эти фотографии окажутся у вашего генерала Филиппа Голикова, что возглавляет всю вашу разведку Генштаба.

Пуркаев этих фотографий не отдал:

– Пошел вон! Мое дело. Сам влип. Сам выпутаюсь...

Максим Алексеевич сознавал, что его ожидает, и все-таки, пересилив себя, продуманно вышел на связь с Генштабом.

– Срочно отзывайте меня, – сказал он Голикову.

Вечерний самолет «Люфтганзы» подхватил атташе и понес в Москву – на расправу. В Генштабе он сказал:

– Вы знаете, как я отбрыкивался от назначения в Берлин, а теперь смотрите, что получилось... Да, виноват. Черт с вами, бес со мной, но я не буду скрывать даже фотографии. Судите. Виноват. Сами видите, какая красивая попалась мне стерва. Но генерал Пуркаев не был предателем и никогда не будет!

– А в этом мы еще разберемся, – помрачнел Голиков...

В машине окна были задернуты непроницаемыми шторами. По шуму Пуркаев определил, что открываются железные ворота. Повели в камеру, оставили одного. Прошел день, мино-

вал второй. Ни еды, ни воды не дали. Он утолял жажду быстро протекающей водой из унитаза. Ночью явились:

– Выходи. Руки назад. Без разговоров.

Снова посадили в ту же машину. Куда везут – неизвестно. Скрипнули тормоза. Куда попал – не понять.

– Руки держать свободно. Следовать за нами.

Его провели в кабинет, а там... «отец родной»!

Ни здравствуйте, ни до свидания – полное молчание.

– Товарищ Пуркаев, – вдруг сказал Сталин, медленно прохаживаясь вдоль обширного стола, – вы можете не сомневаться в моем доверии и сразу же возвращайтесь в Берлин...

Что ответил Пуркаев? Ничего. Повернулся и вышел.

Немцы были изумлены, когда он снова появился в Берлине, зато из его квартиры мигом исчезла прекрасная Марта. Гестапо решило выжить из Германии неподкупного агташе. Стоило ему выехать на маневры, отказывал в машине мотор. В кармане обнаружился шпионский мини-фотоаппарат. Пуркаев вернул его Хойзингеру со словами: «Простите, это уже работа карманников, а не порядочных генштабистов». Учительница немецкого языка пропала. Пуркаева вызвали в полицай-президиум Берлина, где криминаль-генерал Артур Нёбе сказал, что против него заведено уголовное дело.

– Вы посягнули на честь немецкой женщины, обучавшей вас нашему языку, о чем и поступила жалоба из ведомства... Риббентропа. На допросах она все подтвердила, а мы подтверждаем ее показания фотоснимками синяков и ссадин, оставленных вами на теле женщины при попытке ее изнасилования.

Странно! Почему-то обвинения исходили из канцелярии Иоахима Риббентропа, и Пуркаев отвечал Нёбе:

– Министерство иностранных дел – лишь для отвода глаз, а синяки и ссадины – следы избиений в гестапо. Догадываюсь, какова цена признаний этой несчастной женщины. Или вы освободите ее, или я устрою всем вам хороший скандал в печати.

– «Правда» не станет печатать, как вы спали с Мартой и насиловали учительницу, – смеялся Нёбе.

– Помимо «Правды», – отвечал Пуркаев, – есть немало других газет, которые охотно опубликуют мои слова о том, какими провокациями вы занимаетесь.

Через год, уже на фронте, Максим Алексеевич рассказывал:

«Абсурдность обвинений ни у кого не вызывала сомнений, но решено было не обострять из-за этого отношений (между Москвой и Берлином, добавлю я от себя). Вот так и кончилась моя военно-политическая карьера, о чем я, впрочем, нисколько не жалею...»

Пуркаев прошел через многие битвы Великой Отечественной войны и скончался в 1953 году депутатом Верховного Совета СССР. Но до конца своих дней Пуркаев не понимал, почему так легко отделался и почему Сталин при свидании с ним казался каким-то отвлеченным. Даже растерянным... Почему он сразу не сделал из него «врага народа»?

* * *

Сталин уже понял, что финская кампания не принесла ему благоухающих лавров, напротив, она обнажила перед всем миром многие язвы его диктатуры. Он указал Берии пересмотреть списки репрессированных командиров (а это, читатель, почти пятьдесят тысяч имен), и не все они, но кое-кто был выпущен из концлагерей и отправлен за счет казны в санатории, чтобы очухались, а заодно и вставили выбитые на допросах зубы.

Теперь требовался тот самый легендарный «стрелочник», который всегда виноват, и Сталин нашел его моментально в своем легендарном и «железном» наркоме, от которого ничего путного ожидать не приходилось.

– Это ты, Клим, виноват во всем, – говорил он Ворошилову, – кто, как не ты, погубил лучшие кадры армии и флота?

– Конечно, – огрызнулся Ворошилов, – теперь на меня всех собак можно вешать. Не я же сажал, и не я выносил приговоры, я ведь только подписывал уже готовые...

Сталин стал понимать и другое: время лихих тачанок давно отшумело, а Тухачевский и прочие, последовавшие за ним в небытие, были правы, настаивая на моторизации армии, чтобы она не таскалась на телегах, а следовала за танками. Теперь Ворошилов попросту мешал Сталину, и 7 мая он спровадил его с поста наркома обороны. Дабы поднять сильно пошатнувшийся престиж Красной Армии, тогда же были введены звания маршалов и адмиралов. Георгий Константинович Жуков стал генералом армии, а в маршалы Сталин произвел Кулика, Шапошникова и, конечно же, Семена Константиновича Тимошенко, которого и назначил на пост наркома обороны. Для придания значимости этой новизне в центральных газетах публиковались поименные списки военачальников с приложением их фотографий (чему страшно обрадовались в Цоссене немецкие вояки, связанные с вопросами разведки, и адмирал Канарис в абвере).

Сталин считал себя большим знатоком авиации, именуясь в стране «лучшим другом советских летчиков». Но дела в авиации были плохи. Она побивала мировые рекорды, но к войне не была готова. Самолеты страдали многими изъянами. Плохо было и с начальниками военно-воздушных сил, ибо в своих кабинетах они долго не задерживались, сразу оказываясь «врагами народа». Сталин решил «омолодить» авиацию, сделав ее начальником генерала Павла Рычагова, симпатичного веселого парня, который сражался в небе Испании под именем «Пабло Паланкаре». Он сбил над Мадридом шесть немецких самолетов, а потом и сам был подбит, опустившись с парашютом в самом центре столицы – на бульваре Кастельяно, а свидетели его боя, испанцы, тут же подарили ему целый пароход апельсинов. Парню было всего тридцать лет, когда Сталин призвал его к себе и был так чуток, так внимателен, что казалось, он вот-вот прижмет Рычагова к сердцу и расцелует в уста.

– Работайте спокойно, – заверил его Сталин. – Это Ежов с Ворошиловым много навредили, погубив хороших летчиков, но теперь этому не бывать... Я вам верю!

Маршал Тимошенко (отдадим ему должное) иногда резал правду-матку в глаза, и по этой причине Сталин предпочитал беседовать с ним наедине, чтобы не было лишних свидетелей:

– Товарищ Тимошенко, как работается? Я убежден, что Гитлер, пока не разделается с англичанами, воевать на два фронта не осмелится. Англию он, безусловно, захватит, по моему мнению, не ранее конца сорок второго года, а к тому времени мы будем готовы отбить любое нападение... Вы, товарищ Тимошенко, следите за событиями на Западе?

– Конечно, товарищ Сталин.

– Вот и отлично. Работайте. Я вам верю...

Московские поэты сразу учуяли, куда подул ветер, они перестали восхвалять славную конницу, герои Гражданской войны с шашками наголо перестали вызывать у них судороги вдохновения, и однажды Сталин, принимая парад с трибуны Мавзолея, услышал новые слова всюду поспевающего Лебедева-Кумача:

По-над Збручем, по-над Збручем
войско красное идет.
Мы врагов своих проучим —
Тимошенко нас ведет!..

В цокоте копыт кавалерии, распевавшей эту песню, Сталин не расслышал всех слов и спросил Ворошилова:

– Кто? Кто их ведет?

По щеке бывшего «железного» наркома капнула слеза:

– Не я... Т и м о х а...

Иосиф Виссарионович пожалел своего друга, сказав:

– Что за глупости? Запретить эту песню...

Между СССР и Германией существовали договорные отношения о торговле, не всегда выгодные для нас, зато очень выгодные для немцев. Экономическое положение внутри СССР было тогда мало кому известно, но правительство оно не могло радовать. Темпы развития не только замедлялись, но даже снижались. Урожай резко уменьшился, выпуск автомобилей сократился на целую четверть. Сталин в это время щедро насыщал Германию хлебом и нефтью, лесом и золотом. Недаром же Лев Троцкий, живший тогда в Мексике, свою злую статью об услугах вождя Германии так и назвал: «СТАЛИН – ИНТЕНДАНТ ГИТЛЕРА»; в этой статье Троцкий писал, что Сталин «больше всего боится войны. Об этом слишком ярко свидетельствует его капитулянтская политика... Сталин не может воевать при всеобщем недовольстве рабочих и крестьян и при обезглавленной им армии... Германско-советский пакт есть капитуляция Сталина перед фашизмом в целях самосохранения советской олигархии» (иначе говоря, Сталин дрожал за свое кресло в Кремле!). Я, автор, не принадлежу к числу поклонников Троцкого, считая его вреднейшим гадом, но здесь я вынужден с ним согласиться. Да, политика Сталина была капитулянтской. Иначе чем объяснить, что он позволил гитлеровцам очень многое? Так, например, из Берлина вдруг от него потребовали допустить на территорию СССР тех немцев, что желали бы разыскать могилы родственников, погибших в войне 1914–1919 годов! Какие, спрашивается, там «родственники», о каких «могилах» шла речь? Сталин – вот где измена народу! – допустил в свою страну матерых шпионов, которые вполне свободно, уже не боясь ничего, вполне официально рыскали по нашей стране – от Балтики до Черного моря, всевидящие, всеслышащие, всепонимающие...

В мае Сталин велел расстрелять в Катинском лесу польских военнопленных. Многие из них, уже стоя надо рвом, наверное, горько жалели, что не пустили себе пулю в лоб, когда начинался «освободительный» поход Красной Армии. Тогда же, в мае месяце, Сталин, сильно озабоченный, вызвал Тимошенко:

– Мы, кажется, допустили большую ошибку, уничтожив корпусную организацию танков. Вы только посмотрите, товарищ Тимошенко, что происходит сейчас на Западе... А – почему? Потому что у немцев массы танков открывают дорогу пехоте.

Срочно воссоздавали крупные мотомеханизированные соединения, номера которых зачастую лишь значились на бумаге, ибо для полного формирования корпусов не хватало даже грузовиков, не хватало для механизации даже... лошадей!

– А лошадь себя еще покажет, – твердил Буденный.

Мир застыл в откровенном ужасе. Много позже генерал Шарль де Голль пришел к выводу: «Наша пехота ничего не решила, а немецкая – ничего не сделала!» Это правда. Ибо все решила авиация Гитлера, все сделали танки, явно третировавшие роль инфантерии. На полях Франции, где догнали мертвые французские батальоны, родилось новое военное откровение.

– Танкам совсем не обязательно, – объявил Гот, – чтобы их поддерживала пехота. Танки сами по себе способны смело погружаться в глубину обороны противника, при этом даже не озираясь по флангам... Гудериан был прав, танки – вперед!

Тем самым ранние теории Эймансбергера становились достоянием насущной практики... Вот он – б л и ц к р и г!

24 мая, когда англичане, прижатые к Дюнкерку, уже готовы были бросаться в волны Ла-Манша, последовал «стоп-приказ» фюрера: панцер-дивизиям Гота и Рейхенау – ни с места.

Медленно остывали перетруженные танковые моторы.

Дюнкерк пылал, и от самых окраин города до черты прилива бушевало море огня, из разбитых нефтехранилищ вытекала вязкая нефть, охваченная пламенем, горело даже море. Видеть, как англичане спешат на посадку по своим кораблям и баржам, было для Рейхенау невыносимо.

– Черт его побери! – бушевал он. – Фюрер и в самом деле тупой ефрейтор. Что нам стоит спихнуть Черчилля в море?

Никто (и даже Паулюс) не понимал тогда странного распоряжения Гитлера, позволившего англичанам грузиться на корабли и уплывать в объятия своих нежных мисс и миссис. На самом же деле все было просто: Гитлер, задержав свои «панцеры» на полном форсаже моторов, как бы великодушно приглашал британский кабинет к мирному танцу, чтобы потом... о, потом!

Гитлер сам прибыл на побережье, чтобы насладиться редкостным зрелищем удирающего врага. Он с удовольствием обозревал груды брошенной на берегу техники, завалы оружия, массу офицерских чемоданов, уже раскрытых, из которых высыпались чьи-то женские и детские фотографии, носки, бритвы, туалетное мыло, колоды карт, бутылки и пачки презервативов.

– Прекрасно! – сказал Гитлер, насладившись лицезрением этого позора англичан. – Разбитая армия иногда нуждается в том, чтобы противник устроил ей «золотой мост», как во времена Валленштейна или Евгения Савойского... Пусть они вернутся в Англию, чтобы все англичане видели, как они разгромлены!

Англия спасалась. Франция капитулировала. Германия торжествовала, колокола звонили, а сто фанфаристов, собранных Геббельсом в единую команду, возвещали победу по радио...

28 июня 1940 года Гитлер заявил Кейтелю:

– Война против России – после победы над Францией – будет для нашего вермахта вроде детской игры в куличики...

Победители, войдя в Париж, спешили в Дом Инвалидов, чтобы запечатлеть себя на фоне гробницы Наполеона, а сам Гитлер позировал перед Эйфелевой башней, сказав фотографу:

– Валяйте, Гофман! Вот в такой позе... Скоро вам придется снимать меня на фоне Бекингемского дворца, затем в Московском Кремле и, наконец, на зеленой лужайке возле Белого дома... На всякий случай приготовьте светофильтры для съемок на скале Гибралтара и возле пирамид египетских фараонов.

В эти дни он получил сердечное поздравление от бывшего германского императора Вильгельма II, поджигателя Первой мировой войны. Проживая в Голландии, уже оккупированной войсками вермахта, экс-кайзер сразу учуял в Гитлере продолжателя своего дела, он снова грезил о разгроме России, заранее благословив своих внуков на служение в войсках СС...

Паулюс привез из Парижа дорогие духи от фирмы Коти.

– Очень тонкий аромат, – одобрила Коко его выбор. – У тебя, милый Фриди, всегда был хороший вкус.

Паулюс склонил голову, целуя руку жены с тонкими изящными пальцами природной аристократки.

– Боже! – воскликнула она. – Фриди, у тебя... лысина?

– Война, – вздохнул он. – Что делать, Коко? Война... Зато отныне ты стала женой генерал-лейтенанта. Разве плохо?

– Хорошо, Паулюс, хорошо... опять возвышение!

9. Возвышение

Англия готовилась отражать нашествие вермахта на свои острова. То, что не удалось Наполеону, вполне доступно для Гитлера, которому чертовски везет... Вот и командный пункт истребительной авиации. Уинстон Черчилль с сигарой во рту, сердито сопя, концом трости постучал в железную дверь.

– Можно войти? – и показалась сначала его сигара.

– Можно, – отвечал вице-маршал Паркер. – Но сначала выплюньте эту головешку изо рта, сэр. Здесь не курят.

Черчилль, не споря, расстался с сигарой.

– Где тут радары, чтобы видеть этих разбойников?..

По серебристым экранам локаторов скользили, словно рыбки в аквариуме, короткие тире отражений бомбардировщиков, пролетающих для бомбежки. Лондон жил в тревоге: придет Гитлер или не придет? Чтобы поиграть на нервах англичан, самолеты люфтваффе, вперемежку с бомбами, сыпали листовки: «Не волнуйтесь! Он все равно придет». Отряды юнцов из организации гитлерюгенд браво распевали на улицах городов Германии: «Bomben, Bomben, nach England!» Немецкие интенданты всюду скупали пробку для выделки спасательных поясов, дабы Уайтхолл наглядно убедился, что Германия готовится к прыжку через канал... Паулюс писал:

«У меня сложилось впечатление, что как командующий сухопутными силами (Браухич), так и начальник генерального штаба (Гальдер) верили в серьезность намерения Гитлера осуществить высадку десанта».

Операция по высадке вермахта на берегах Англии называлась «Морской лев», и эта операция была спланирована Адольфом Хойзингером, ведавшим оперативными делами в генштабе...

Берлин еще не знал бомбежек. По радио часто звучали торжествующие мелодии, призывая к вниманию, после чего Ганс Фриче с восторгом зачитывал военные сводки: победа, опять победа... С красочных афиш смеялась белозубая Марина Рокк, приглашавшая любоваться ею в кинобоевике «Девушка моей мечты»; другая «нимфа фюрера», еще более знаменитая и даже наглая, Лени Рифеншталь позировала на экранах, пропагандируя святость идей нацизма. Гитлеру она однажды сказала: «Можете выбирать – я или Геббельс? Но я лучше...» Однако за всей этой берлинской суетой ощущалось и нечто другое. В немцах, как бы они ни бодрились, чувствовалась какая-то подавленность, смех казался наигранным, подразумевалось, что они даже едят, не чувствуя вкуса еды. «В чем дело?» Один турецкий дипломат, будучи проездом в Берлине, сказал своему приятелю-берлинцу:

– Я не понимаю, кто проиграл войну – неужели... Германия? Вы все, немцы, напоминаете мне детей, которые не в меру нашалили, а теперь боятся быть наказанными строгою бонной.

– Ваша правда, герр Караосман-оглы, – отвечал приятель. – Кому-то из нас придется потом отвечать за разбитые горшки на чужой кухне. Как бы всем нам не пришлось расплачиваться...

На оживленном Курфюрстендаме Паулюс случайно встретил Гейнца Гудериана, чем-то явно озабоченного.

– Мне сейчас здорово влетело, – сообщил он. – В рейхсканцелярии подсчитали, что мои танки сосут горючее в четыре раза быстрее, нежели в других армиях мира. Чем же мы виноваты, если так воспитаны: мотор, форсаж, атака! Везет же этим русским, – вдруг позавидовал Гудериан. – У них в Москве стакан газированной воды с сиропом продается во много раз дороже целого литра бензина. Нам бы такие цены!

Паулюс был рад видеть сыновей-близнецов живыми и невредимыми, и как-то Эрнст завел с отцом разговор:

– Папа, ты разве ничего не слышал?

– А что слышал ты?

– Я в Вюнсдорфе оказался случайным свидетелем беседы двух генералов, они говорили, что сейчас в вермахте есть два человека, которых ожидает возвышение: это Манштейн и... Паулюс!

– Очевидно, преувеличение?

– Нет, папа. Фридрих, мой брат, тоже слышал, что в кадровом отделе вермахта вам обоим, тебе и Манштейну, уже предсказывают большую карьеру... там, на самом верху!

Паулюс, пожав плечами, оставался скромен:

– На меня падает отблеск успехов Шестой армии, хотя мне с этим забуддыгой Рейхенау уживаться не всегда-то легко. Никогда не знаешь, какой он завтра выкинет фортель.

Берлин после побед вермахта богател. Витрины магазинов украшали грандиозные айс-берги сливочного масла из Дании, горькими слезами «плакал» голландский сыр, женщины ломались в универмаги, расхватывая по дешевке платья парижского покроя. Голландия, эта извечная ювелирная лавка Европы, одаривала немок кулонами, браслетами и ожерельями. Паулюс, отвоевав, теперь отдыхал за семейным столом, с мужним удовольствием наблюдая, как жена капризно перебирает в вазе ягоды клубники, выбирая себе покрупнее. Внимательный в штабе, генерал-лейтенант оставался внимательным и к женской болтовне:

– Вчера прихожу к портному. Его нет. Жена в слезах. Призвали в пехоту. Подкатываю к парикмахерской. Нет Вернера, который всегда меня причесывал. Вместо Вернера какая-то стерва. А где Вернер? Призвали в зенитную артиллерию. Теперь смотри, Фриди, как мне испортили прическу.

– Начинаем брать людей из резерва, – рассудил Паулюс.

Собираясь к подруге, Коко вызывала такси.

– Отказали, – изумилась она. – Вышло распоряжение – отныне никаких частных поездок. Нужно иметь служебное дело. Я ничего не смыслю в экономике. Но почему так надо, чтобы в театр или к знакомым я шлялась пешком?

– Начинаем накопление горючего, – объяснил Паулюс...

С улиц городов потихоньку исчезли лотки с горячими сосисками, пропало бутылочное пиво – осталось в продаже бочковое. Дурной признак для страны, где не мыслят и дня без пива!

Паулюс велел жене больше не покупать тортов:

– Они очень привлекательны, но все кремы – химия. Отравиться не отравимся, но и здоровья себе не прибавим. Наши химики достигли уже такого совершенства, что скоро из солдатской мочи станут выделять дамские ликеры... Я все-таки устал. Прилягу. Кстати, а где Ольга?

– Она со своим бароном навещает графа Зубова, знаешь, сейчас из Прибалтики Сталин выгоняет всех немцев, у Зубова собирается интересное общество депортированных.

* * *

Тут как-то все разом перемешалось. Москва вдруг ополчилась на худосочную Румынию, где одной мамалыгой сыты, и к Советскому Союзу – без крови и на этот раз! – отошли области Буковина и Бессарабия. Елена-Констанция Паулюс как румынка до слез жалела румынского короля Михая, говоря мужу:

– Что Гитлер, что Сталин – одинаковые разбойники, оба так и глядят, что бы еще стащить у соседа, ничем не брезгают... Ах, бедный Михай! Надо мне написать кузену в Бухарест, чтобы он выразил королю мое сердечное сочувствие.

Тем временем московская власть утверждалась в республиках Прибалтики: по договоренности с фюрером Сталин начал депортацию всех немцев, которых там было немало. Впрочем, в число «немцев», среди потомков крестоносцев и меченосцев, затесались и многие русские, жены мужей-немцев, то ли просто самозваные немцы, желавшие удрать от НКВД куда-нибудь подальше. Эта депортация немцев из Прибалтики проводилась нацистами под многообещающим девизом: «ВАС ФЮРЕР ЗОВЕТ»...

Среди депортированных была и баронесса Эльза Гойнинген фон Гюне, совсем не желавшая покидать Курляндию, но ее просто выставили в «фатерланд», не спрашивая, где ей лучше живется. Баронесса тоже оказалась в числе гостей Паулюсов, интересная для самого генерала – как осколок древнейшей германской диаспоры на Востоке. Судя по всему, фрау Эльзе не очень-то нравилась Германия, где она теперь сама жарит картошку на маргарине, произведенном в мощных автоклавах химического концерна Фарбениндустри. Паулюсу она говорила – с немалым значением:

– Я здесь у вас задерживаться не собираюсь, рассчитываю вернуться обратно. Вы бы знали, какие у меня под Митавой были коровники, какое жирное молоко давали мои коровы.

– Простите, но... кто вас отпустит в Митаву?

Безо всякого смущения Гойнинген фон Гюне сказал:

– Но ведь очень скоро будет война с Россией! Уж вы-то, Паулюс, человек военный, знаете об этом лучше меня.

Поддерживая разговор гостей, граф Валентин Зубов сказал:

– Если слухи о близкой войне с Россией верны, то у вас, герр генерал, партия с нею не состоится. Россия такая здоровенная баба, которая способна выдержать немало оплеух, но в поклоне никогда не согнется.

Паулюс согласился, что Россия – страна могучая.

– Но сталинский режим непрочен, – сказал он. – У них сейчас немало внутренних проблем. Оружие устарело. По ресурсам выплавки чугуна и стали русские сильно отстают.

Он и не хотел того, но так уж получилось, что вроде бы подтвердил версию о близкой войне. Именно так его понял Валентин Платонович Зубов, живо обратясь к барону Кутченбаху:

– Зондерфюрер войск СС! Ну-ка, поживее запишите себе для памяти русскую поговорку: это еще бабушка надвое сказала. Если занесет вас в Россию, вам поговорка пригодится.

– Как, как? Повторите, – засуетился зять Паулюса, роняя авторучку и шелестя страницами блокнота; записал поговорку, потом спросил: – А что это значит? Понять трудно.

– А вы доберитесь до Москвы – там вам все объяснят...

В конце лета Геринг уже подготовил свою авиацию для массированных налетов на Англию, а Гитлер на своей вилле «Бергоф» собрал высших офицеров вермахта; был приглашен и Паулюс. Конечно, он уже догадывался о том, что втайне замышлялось против России, при этом, не раз беседуя с Гальдером, он придерживался мысли о трех ударах по трем главным направлениям – Москва, Ленинград, Киев...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.